

ЭБИГЕЙЛ ДЖОНСОН

Каждый второй уик-энд

«Книга, которая подарила мне
надежду... идеальная история
любви».

Сьюзен Янг, автор бестселлера
«Программа. Идентификация»

Эбигейл Джонсон

Каждый второй уик-энд

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джонсон Э.

Каждый второй уик-энд / Э. Джонсон — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111982-9

Впервые они увидели друг друга на соседних балконах дома, в который должны были приходить каждый второй уик-энд. После смерти старшего брата шестнадцатилетний Адам замкнулся в себе, а его родители разъехались. Теперь он во всем винит отца, но вынужден навещать его два раза в месяц. Джолин мечтает стать режиссером и снимать фильмы. Но она поняла, что этой мечте не суждено исполниться, когда ее отец ушел из семьи. Жизнь не всегда похожа на кино со счастливым финалом. Но каждый второй уик-энд, который Адам и Джолин проводят вместе, дает им надежду на лучшее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111982-9

© Джонсон Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Первый уик-энд	6
Второй уик-энд	34
Между выходными	47
Третий уик-энд	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эбигейл Джонсон

Каждый второй уик-энд

© 2020 by Abigail Johnson

© Литвинова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Грейди

Первого августа раньше мне вспоминался день, когда я сломала шею.

Спустя годы первое августа стал днем твоего рождения.

И теперь благодаря тебе я отмечаю первого августа годовщину лучшего, что случилось со мной в жизни.

Первый уик-энд 25–27 сентября

Адам

Голуби на парковке взмыли ввысь в лучах заходящего солнца, когда мы подъехали к многоквартирному дому отца. Я даже позавидовал этим маленьким летающим разносчикам заразы, способным вмиг исчезнуть. Но они вернулись на насиженное место, едва Джереми заглушил двигатель. А мы с братом в этот момент, словно по команде, подались вперед, чтобы через лобовое стекло впервые окинуть взглядом жилой комплекс Оук-Вилладж – он же новый дом отца и место, где отныне мы вынуждены проводить каждый второй уик-энд, пока нам не исполнится восемнадцать.

Джереми не стал бы говорить *«вынуждены»*, но я именно так видел ситуацию.

– Ха! – усмехнулся Джереми, и его светлые брови приняли обычное положение, в то время как мои, рыжевато-коричневые, наоборот, сошлись. – Я думал, будет хуже.

Мамина зарплата учительницы музыки и отцовская разнорабочего могли бы позволить нам годами неспешно восстанавливать наш старый дом в деревне, но тогда у отца оставались бы сущие крохи на жизнь, после того как в прошлом месяце он решил от нас съехать.

Построенный чуть больше века назад, шестиэтажный многоквартирный дом выглядел так, будто дни его сочтены. На стенах темнели пятна воды от кондиционеров, несколько окон были заколочены искривившимися старыми досками. А описать зеленую краску на дверной коробке как облупившуюся язык не поворачивался – это все равно что называть торнадо ветерком.

Можно было представить, насколько «уютно» внутри. Неудивительно, что хозяин, папин друг из другого штата, охотно сдал в аренду пустующую квартиру в обмен на то, что отец приведет ее в порядок.

Я медленно повернулся к брату.

– Думаю, то, что надо для него.

Джереми выдернул ключ из замка зажигания и толкнул дверцу.

– Мы тут всего на две ночи, Адам. Так что не болтай лишнего.

Обычно я не давал брату спуска, даже в мелочах, но после получасовой поездки из сельской Пенсильвании, которая была моим домом всю жизнь, в перенаселенный и тесноватый пригород Филадельфии чувствовал себя слишком подавленным, чтобы спорить. Выйдя из машины, я едва успел вытащить свой рюкзак из багажника, прежде чем Джереми захлопнул крышку. Его битком набитая дорожная сумка по объему раз в пять превосходила мой рюкзак. Это наглядно демонстрировало отношение каждого из нас к тому, что наши родители разошлись.

Всю прелесть нового жилища – пусть и временного – я ощутил, когда мы подошли к стеклянной парадной двери. В ее углу расплзалась трещинка, похожая на паутинку, а бордовый ковер в холле казался полосатым от протоптанных дорожек. По стене справа тянулись маленькие металлические почтовые ящики, а левую стену покрывала неокрашенная штукатурка. Мама и пяти минут не продержалась бы, чтобы не заглянуть под ковер и не проверить качество деревянного пола. Еще десять минут – и она бы уже ковырнула штукатурку, надеясь обнаружить кирпичную кладку. Папа стоял бы рядом и ухмылялся.

Ему и следовало стоять рядом, только не здесь, а там – дома. С мамой.

Два с половиной года. Джереми, казалось, не понимал серьезности ситуации. С другой стороны, в свои семнадцать он, возможно, оценивал это иначе: ему нужно продержаться всего лишь год. И Джереми не рассматривал эти уик-энды как повинность. Он с нетерпением ждал встречи с отцом. Тогда как я предпочел бы в эти дни ночевать где-нибудь в переулке.

Я прошел мимо Джереми к лифту, но после того, как целую минуту пытался нажать кнопку, решил подняться по лестнице.

– Ты прав, Джереми. Это место намного лучше, чем наш сухой, чистый, неубитый дом, где мама осталась одна.

Мой рюкзак оказался не таким увесистым, как сумка Джереми, – в отличие от брата, я захватил с собой только самое необходимое на ближайшие сорок восемь часов обязательности. Так что лишь неохота гирями висела на ногах, пока я преодолевал лестничные пролеты. Мы остановились на шестом этаже и оглядели на удивление широкий коридор, куда выходило по три двери с каждой стороны. Одна из лампочек судорожно мигала, что усиливало мое отвращение к этому месту и необходимости здесь находиться.

– Которая? – спросил Джереми.

– Разве это имеет значение?

Джереми заглянул в свой телефон, затем указал на среднюю дверь справа, 6-3. Когда я подошел к нему, он уже стучал в квартиру. Каждый удар костяшек его пальцев заставлял меня вздрагивать. Я не видел отца уже три недели, с тех пор как он приходил забрать оставшиеся вещи. Он попытался обнять меня на прощание, но я отстранился. Он сделал свой выбор, когда ушел от нас, и я не хотел облегчать ему жизнь.

– Похоже, его нет дома. – Джереми нахмурился, глядя на дверь.

– Отлично. Тогда пойдем отсюда.

Джереми еще больше нахмурился, не сводя глаз с двери.

– Я не останусь, раз его нет. Я позвоню маме, чтобы она забрала меня.

Джереми резко повернул ко мне голову и свирепо зыркнул.

– Меня уже тошнит...

Открылась дверь квартиры 6-5, и оттуда вышла симпатичная кореянка в небесно-голубых шароварах для йоги и спортивном бюстгалтере в тон.

– О, привет! Вы, должно быть, Джерри и Адам!

Обнаженный живот кореянки лишил моего брата дара речи. А я был слишком взбешен происходящим, чтобы обращать внимание на такие глупости.

– Да, но мы как раз собирались уходить. – Я схватил Джереми за руку.

– Пол попросил меня присмотреть за вами. Ему нужно было отлучиться по каким-то делам, но он рассчитывал вернуться к вашему приезду. – Она оглядела пустынный коридор. – В любом случае заходите к нам. – Она повернулась и крикнула кому-то в своей квартире: – Джо, познакомься с новыми соседями.

Ни Джереми, ни я не двинулись с места.

– Упс. Забыла представиться. Меня зовут Шелли, я живу здесь с бойфрендом, Робертом. Это так здорово, что на этаже появятся новые лица. – Она рассмеялась и уперлась бедром в дверной косяк, так что я невольно обратил на нее внимание, несмотря на мерзкое настроение. – Вон те пустуют. – Она указала на две квартиры напротив нашей. – А по другую сторону от вас, в 6-1, живут Шпигели с новорожденным ребенком, но не волнуйтесь, малыш не плаксивый. В 6-2 живет парень, но он не часто здесь бывает, и, честно говоря, у меня от него мурашки по коже. Ужас, да? Этот дом будто притягивает подозрительных личностей. – Она скорчила гримасу. – Я знаю, ваш отец собирается делать ремонт, но пока здесь что-то вроде помойки.

Она подняла руку, словно заслоняя глаза от мерцающей лампочки.

– Мы бы не оказались в этой дыре, если бы бывшая жена Роберта, та еще сука, не забрала все при разводе – в смысле *все*. Дом, машины, его спортивные трофеи. – Она принялась заги-

бать палыцы. – Вы не поверите, через что ему пришлось пройти, чтобы добиться разрешения забирать к себе Джо на выходные два раза в месяц. – Шелли покачала головой. – Так что сегодня мы имеем то, что имеем. Впрочем, внутри все выглядит симпатичнее, милости просим. Кажется, у нас еще осталась пицца.

Она нырнула в глубь квартиры, и мне показалось, что Джереми вот-вот упадет в обморок от вида ее пятой точки.

– Джо, ты съела всю пиццу? Джолин? – Вернувшись к двери, она закатила глаза и улыбнулась: – Эта девчонка – суший кошмар, и я определенно не вхожу в число ее любимчиков.

Я опешил от того количества информации, что вывалил на нас, в сущности, совершенно незнакомый человек.

– Может, не стоит называть ее мать «той еще сукой»?

– Я знаю, но... – Шелли пожала плечами. – *Точнее* не скажешь, – выразительно подчеркнула она и снова рассмеялась. – Вы знаете, она усыпила их собаку, пока Роберта не было в городе. Я имею в виду, кто так делает? – Она подалась вперед. – Между нами, она еще и алко-голичка.

Джереми, похоже, не столько слушал, сколько наблюдал за тем, как вздымалась и опускалась грудь Шелли, когда она делала глубокий вдох – а вздыхала она постоянно.

Я наклонился к брату, пока Шелли продолжала делиться подробностями.

– Ты ведь понимаешь, что ей, вероятно, интересно, какого размера подгузники ты носишь.

Джереми отреагировал предсказуемо, с силой отшвырнув меня к противоположной стене. Его ноздри раздувались от гнева.

– Меня уже тошнит от твоего дерьма.

– Неужели? – я с улыбкой оторвался от стены. – Я вроде как...

Шелли затихла на время нашей потасовки, но снова затараторила, как только увидела нашего отца, поднимающегося по лестнице.

– А вот и Пол. – В ее голосе прозвучало облегчение, как будто она ожидала, что мы с братом вытянемся по струнке, встречая отца. Когда-то так оно и было.

Папины руки были заняты сумками. Джереми кинулся ему помочь; я даже не пошевелился.

– Спасибо, Джер. – Потом отец пристально посмотрел на меня. Казалось, с тех пор как мы виделись последний раз, он постарел лет на десять: бородка торчала клочьями, в светло-каштановых волосах проступало больше соли, чем перца, а обычно загорелое лицо выглядело бледнее. Но он улыбался, и от этого мне захотелось выбить ему зубы. – Привет, дружище.

– Не переживай! – крикнула Шелли, снова привлекая к себе внимание. – Они только что приехали. Мы как раз успели познакомиться. Пол, ты мне не говорил, какие симпатичные у тебя сыновья. Джереми – вылитый ты, и у Адама очень милая улыбка. – Она приветливо усмехнулась, но я так и не улыбнулся. Папа поблагодарил ее и повел нас в свою квартиру.

Тогда-то мне и открылась первая ложь Шелли: внутри оказалось *ничем* не лучше. Две крошечные спальни, маленькая кухня-столовая и гостиная чуть больше прихожей: в ней едва помещались диван и телевизор.

– Что ж... – папа хлопнул в ладоши, – ...кому нужна экскурсия? – Мы с Джереми молчали. – Полагаю, мне следовало бы приберечь шутки на вечер после ужина, а? У меня много планов, и я надеюсь, что вы, ребята, поможете мне осуществить некоторые. У этого здания крепкий каркас, сами увидите.

– Да, – сказал Джереми. – Поможем. – Он попытался поймать мой взгляд, но я отвернулся.

Папа указал на закрытые двери комнат справа:

– Я отдаю вам спальни, ребята. В одной есть балкон, зато другая немного просторнее.

– Адам – младший, так что может расположиться на диване.

– Зато ты практически хоббит, – парировал я. – Как будто я помещусь на этом диване. – Джереми был старше меня почти на два года, но уже давно стало ясно, что я самый высокий в семье. За последний год я подрос на пять сантиметров. Джереми был метр восемьдесят в ботинках, а я – почти метр девяносто босиком. Джереми покраснел от злости, и я, насладившись зрелищем, направился в спальню с балконом.

– Ладно. Адам, у меня есть подушка для шезлонга, но балкон, наверное, проржавел, так что будь осторожен. – Отец полез в один из пакетов. – Дама в магазине сказала, что подушку можно оставлять на улице даже в снег – и, похоже, в этом году он выпадет рано.

Я закрыл за собой дверь, и голос отца затих. Стены были тонкими как бумага, так что несколько натянутый разговор папы и Джереми погнал меня на балкон. Он подрагивал, но все-таки казался достаточно прочным. Какой вид открывался... Короче, на стену соседнего здания.

А дома окно моей комнаты выходило в яблоневый сад.

Я достал телефон и нажал кнопку повторного набора. Мама ответила после первого же гудка:

– Адам, милый?

– Привет, мам.

– О, неужели все так плохо? – Она догадалась по моему скупому приветствию.

– Нет, пока я дышу ртом – все отлично.

– Всего два дня – и ты будешь дома. Зато в эти дни можешь делать все, что угодно. И потом, Джереми с тобой. – Мама жила в отрицании моих разногласий с братом. Для нее мы все еще оставались маленькими мальчиками, которые вместе строили крепости. – Ваш отец соскучился по вам.

Я стиснул зубы, чтобы удержаться от ответа на это набившее оскомину замечание. Какой смысл напоминать ей, что если отец скучает по сыновьям, то ему некого винить, кроме самого себя?

Она задала еще несколько осторожных вопросов о папиной квартире. На этот раз я не стеснялся в выражениях:

– Это настоящая помойка, где и крысы-то не стали бы жить.

Мама рассмеялась, чего мне и хотелось.

– Значит, мне лучше не говорить, что я только что видела оленя на заднем дворе?

– Можешь повторить? Я не расслышал тебя, тут этажом ниже какая-то наркоманская разборка. – Донесся смешок, не мамин, и я шагнул на звук к краю балкона.

– Мне вас очень не хватает, – сказала мама и добавила, уже еле слышно: – В доме так тихо.

– Да, я тоже по тебе скучаю. – Я несколько отвлекся, когда перегнулся через разделительную стенку, чтобы заглянуть на соседский балкон.

Там сидела миниатюрная девушка, с виду моя ровесница, смуглая, с каштановой косой до пояса, перекинутой через плечо. Она медленно водила громоздкой камерой, снимая пару голубей, примостившихся на перилах перед ней.

– Мам, перезвоню. – Я нажал отбой. – Эй, – сказал я, дожидаясь, пока девушка повернет камеру ко мне, и еще дольше ожидая, пока она ее опустит. – Ты могла бы сказать что-нибудь или, не знаю, спрятаться.

– Извини, – коротко ответила она, не поясняя.

Она развалилась на складном стуле, свесив ноги набок, и ярко-красный огонек сигареты освещал ее свободную руку. Мне было холодно в толстовке, так что она, должно быть, и вовсе окоченела в джинсах и черной футболке с принтом SAVE FERRIS¹, но виду не показывала.

¹ Американская ска-панк-группа. Название группы (в переводе «Спасите Ферриса») взято из фильма «Выходной день Ферриса Бьюллера» (1986).

- Ты, наверное, Джолин. – Либо я угадал, либо она незаконно проникла на балкон Шелли. Она улыбнулась:
– Я предпочитаю «Сучье отродье».

Джолин

Это выглядело симпатично: он покраснел, когда до него дошло, что я слышала, как Шелли называла мою маму. Одним из многих преимуществ Оук-Вилладж было полное отсутствие приватности.

- А ты кто? – спросила я.
– В смысле?
– Ну, ты Джерри или Адам?
– Адам.

– В таком случае спасибо, Адам. – Когда он сдвинул рыжевато-коричневые брови, я уточнила: – Ведь это ты сказал Шелли, что не стоит называть мою маму «той еще сучкой». Это было очень мило с твоей стороны.

Его брови разгладились.

- Я подумал, что она может и не быть беспристрастной.

Я рассмеялась. Потом еще раз. И с трудом удержалась от того, чтобы не расхохотаться в третий раз.

– Это уж точно. Я имею в виду, что моя мама, конечно, далеко не ангел, но то же самое можно сказать про отца и его малолетнюю подружку.

- погоди, она же не...

– Была малолеткой, когда я впервые увидела ее. – Я решительно стряхнула с себя эти воспоминания.

Адам скорчил гримасу, в которой отразились мои чувства.

- Да, – сказала я.

– Что, серьезно?

– Ага, разве что сиськи не по возрасту. Я уверена, мой отец повелся на них два – или три? – года назад. Точно не помню. Хотя нет, все-таки три. В тот год мы не могли наскрести денег на брекеты для меня, но, очевидно, моего отца больше волновали эти буфера, так что он сделал свой выбор. – Я улыбнулась, показав щербинку между передними зубами. Если на то пошло, мне она даже нравилась, но это не могло изменить того факта, что мой отец – идиот. – Эй, ты куришь? – Я помахала сигаретой.

Адам покачал головой.

- Это очень плохо. – Я опустила сигарету, пропустив затяжку.

Он покраснел еще больше.

- Может, и тебе не стоит?

Какой милый паренек.

– Да я и не курю. – Я стряхнула пепел. – Шелли говорит, что ее тошнит от этого запаха, и запретила мне курить, так что... – Я пожала плечами.

- Но ты *не* куришь?

Я сморщила нос.

– Пыталась закурить, но меня чуть не стошнило, и дым мешал съемке. – Она кивнула на камеру. – Теперь я просто позволяю сигарете дымить и наслаждаюсь результатом. И все же было бы намного проще, если бы ты курил. Так бы вместе столько вони наделали вдвое быстрее, понимаешь? А то торчать здесь холодновато. – Он удивил меня, когда, перекинув ногу через перила, запрыгнул на мой балкон, спугнув голубей. Остроумно, решила я. Он выхватил

у меня сигарету и сделал несколько длинных затяжек, не кашляя и не задыхаясь, в отличие от меня. – Я думала, ты не куришь.

Настала его очередь пожать плечами.

– Моя мама когда-то курила. Как-то раз она застучала меня, когда я полез к ней в сумку за сигаретой, и я пообещал бросить, если она тоже это делает.

У меня руки чесались схватиться за камеру, но я боялась его спугнуть. Докурив до фильтра, он протянул мне сигарету, как будто это великое сокровище.

– И она бросила?

– Ага.

Такой простой ответ, но его смысл мне не понравился.

– Выходит, ты не составишь мне компанию в курении?

– Извини, – сказал он, как будто и впрямь чувствуя вину. – Это была одноразовая акция.

Ох уж эти симпатичные парни, храбро выкуривающие за тебя сигарету, – проблема в том, что они, как правило, отвлекают. Я уже мысленно снимала сцену, как он прыгает на мой балкон и его силуэт вырисовывается в угасающем свете дня. Камера скользила по его рукам, сжимающим перила, и, приближая изображение, я видела пятна ржавчины на его пальцах, когда он брал мою сигарету. Я подалась вперед, чтобы проверить ракурс, и совершенно забыла о возможности вторжения извне, пока не распахнулась балконная дверь.

– Джолин, я... – Шелли сморщила нос, и ее взгляд упал на окурочек в моей руке. – Серьезно? Ты как будто нарочно делаешь то, что я тебе запрещаю.

Сцена тотчас вылетела из головы, и я удержалась, чтобы не показать ей язык, но с трудом.

– Никотин манит так сладко – устоять невозможно.

Шелли выхватила у меня пачку сигарет и окурочек из моих беспомощных пальцев. – Тем легче не церемониться с тобой, раз ты занимаешься таким дерьмом... – Она осеклась, заметив Адама. – Откуда ты взялся? – Она округлила глаза и перевела взгляд на соседний балкон. – Ты что, с ума сошел? Ты же мог разбиться!

Ледяной ветер пронесся над нами, и Шелли зябко поежилась. Я посмотрела на Адама – интересно, заметил ли он, что делает холодный воздух с ее прелестями, пленившими в свое время отца. Он глянул, но лишь мельком. Нет, определенно, мальчишка с каждой минутой становится только симпатичнее.

– Ты в порядке? – Шелли шагнула к нему, как будто собираясь обнять, но Адам отступил назад.

– Да, только предпочел бы, чтобы меня не трогали.

Я ухмыльнулась ему.

– Кажется, мы подружимся?

Шелли недовольно фыркнула.

– Успокойся, Шелли. Он в порядке. И у нас все хорошо. Можешь спокойно вернуться в дом, где тепло, прежде чем у кого-нибудь глаза вылезут из орбит при виде твоих штуквин.

Шелли, следуя примеру Адама, залилась краской и, сложив руки на груди, попятилась. – Вы оба, домой прямо сейчас. – Я не пошевелилась, как и Адам, к моему большому удовольствию.

– Шел, похоже, мы пас, но все равно спасибо за заботу.

Шелли прикусила губу и закатила глаза.

– Джолин, я думала, мы обо всем договорились.

– О чем же? Что ты вламываешься в мою комнату, когда захочешь?

– Я постучала. Ты не ответила. Мы договорились, что ты не будешь здесь курить. – Она издала сердитый звук. – Если ты думаешь, что я собираюсь поговорить с твоим отцом о той летней киношколе...

Я напряглась каждой своей клеточкой.

– Ты о чем? – я знала, о чем. Но непонятно, откуда знала *Шелли*. Я ни с кем не делилась грандиозными личными мечтами, не говоря уже о том, чтобы откровенничать с отцовской подружкой препубертатного возраста.

– Киношкола в Калифорнии. Они прислали по почте пухлый информационный пакет. Честно говоря, я чуть не выбросила его, потому что ты никогда не говорила, что ждешь письма, но, когда открыла конверт, увидела твое имя и...

Шелли все говорила, но я практически отключилась и лишь беззвучно вопила, не в силах двинуть ни единой мышцей. Краем глаза я увидела, как Адам втягивает ноздрями воздух. Стало легче, хотя и немного, от сознания того, что не я одна заметила, как Шелли пересекла черту, даже не поморщившись.

– ...я думала, ты просто любишь смотреть старые фильмы. Не это ли ты снимаешь все время? – Она потянулась к моей камере, и я резко дернулась в сторону, чуть ли не рыча.

Я догадывалась, что к категории «старых» Шелли причисляла фильмы 1980-х. А мне они особенно нравились, поскольку отражали атмосферу тех лет, когда мои родители еще не встретились и не потеряли голову настолько, чтобы пожениться и произвести меня на свет. В общем, старые добрые времена. Но не сказать, чтобы я смотрела только «старые» фильмы.

– Может, если бы ты не скрывала от меня, чем живешь, мне не пришлось бы рыться в твоей почте или врываться на балкон, чтобы что-то узнать. Я просто... – Она стиснула зубы. – Мне это надоело. Я не могу контролировать то, чем ты занимаешься у своей матери, но здесь ты должна следовать правилам отца.

Я заглушила свой безмолвный крик. Не совсем, но почти. Будь моя воля, я бы так и молчала, но мне хотелось, чтобы она ушла и рассказала обо всем отцу. – Он никогда не устанавливал для меня никаких правил. Видишь ли, для этого ему пришлось бы время от времени здесь появляться.

У Шелли дернулось веко, и ее голос смягчился:

– У него сейчас очень много работы...

– Адам, смотрел в последнее время хорошие фильмы? – Не знаю, заткнулась ли Шелли, когда я перебила ее, или мне просто удалось заглушить ее болтовню. Я уже не раз слышала от нее эту фразу и не собиралась выслушивать все снова.

– Мы договорились, что я отвечаю за тебя, когда ты здесь.

Мое сердитое «я» редко добивалось чего-то, разве что рождало мое плачущее «я», которое задерживалось надолго. Поэтому, наплевав на все инстинкты, я заставила свой голос звучать бодро и весело:

– Я не подписывалась на это. И каковы же условия договора?

Шелли уперла руки в бока, ее ноздри раздулись от гнева.

– Никаких условий в пятнадцать лет, мала еще, ну да ладно, делай что хочешь. Ты всегда поступаешь по-своему. – Она швырнула мне пачку сигарет и махнула рукой в сторону балкона Адама. – Пожалуйста, не перелезай через перила, когда будешь уходить. – А мне бросила на прощание: – Я оставила пакет с материалами на твоей кровати. О, и я пришла сюда, чтобы сказать, что твой отец сегодня не придет ночевать. *Ума не приложу*, с чего бы это.

У меня защипало глаза и стало больно дышать, но я ничем себя не выдала. Шелли, не оглядываясь, закрыла за собой балконную дверь. Только со второй попытки мне удалось прикурить еще одну сигарету. Я уставилась на тонкую струйку дыма, что тянулась вверх. Адам смотрел вслед Шелли, слегка приоткрыв рот и широко распахнув глаза.

– Подожди, скоро и ты свою получишь, – сказала я ему.

Он моргнул и словно очнулся от испуганного оцепенения.

– Получу что?

– Свою Шелли. Или у твоего отца уже есть подружка?

– Что? Нет. У него нет подружки. Мои родители только что расстались. Они еще даже не говорят о разводе.

– С каких пор это имеет значение? Шелли появилась в кадре задолго до того, как началась бумажная волокита. В тот год Рождество прошло просто на ура. Все знали, что всем все известно, но, поскольку моя мама официально еще не спустила курок, праздновали в нашем доме с размахом. В этом году родители находились в состоянии войны, сражаясь за право отмечать со мной рождение Спасителя.

– Нет, – сказал Адам. – У моих все не так. Не было никаких романов на стороне или чего-то еще. Я даже не могу себе представить, чтобы у моего отца была подружка.

– Но ты же не видел, как он смотрит на Шелли. В отличие от тебя, он не шарахается, когда она пытается его обнять. – По выражению лица Адама я догадалась, что он уже стал свидетелем подобной сцены в коридоре. – Или я могу ошибаться. – Только я не ошибалась.

Адам все еще хмурился, но на этот раз из-за меня, а не из-за неприятной идеи, которую я ему навязала.

– Он не... ты понятия не имеешь о том, что происходит в моей семье. Очевидно, что в твоей семье все серьезно испорчено. У меня же... – он запнулся, – обычная путаница. Мой папа не собирается ни с кем встречаться, а моя мама – не какая-то там...

– О, я надеюсь, ты закончишь эту фразу. Учитывая, что твое мнение о моей матери целиком и полностью сформировано Шелли, твоя мысль, должно быть, на редкость свежа. – Я подперла подбородок кулаками и уставилась на него широко распахнутыми, выжидающими глазами.

Румянец, окрасивший его шею и щеки, на этот раз показался мне отнюдь не милым. Адам пошевелил челюстью, как будто физически заставляя себя сказать совсем не то, что хотел.

– Наши родители разные, понимаешь? Это все, что я пытаюсь объяснить.

– Тогда выкладывай. Ты говоришь, что никто из твоих не ходил налево, но, возможно, они просто хорошо это скрывали.

Адам посмотрел на меня, как на дерьмо, в которое вляпался. Мне не привыкать, так что я спустила это на тормозах.

– Да что с тобой такое? Ты совсем запуталась, понимаешь?

К тому времени моя сигарета уже догорела и я достигла порога страданий-чтобы-разозлить-папу-через-Шелли с точки зрения температуры. Совершенно задубевшая от холода, я переосмысливала свои первые впечатления об Адаме. Фильм, крутившийся в голове, внезапно обрел зловещую тематику, превращаясь в ужастик.

– Ладно, как скажешь. Я собираюсь вернуться в свою комнату, но ты можешь остаться, докурить мои сигареты, если хочешь. – Я кивнула в сторону почти полной пачки. – Может, это разозлит и твоего отца.

– Воздержусь. Мне не нужно прибегать к таким мелким пакостям, чтобы наказать своего отца.

Я ухмыльнулась во весь щербатый рот:

– Просвети меня – о мудрейший! – насколько взрослым нужно быть, чтобы звонить мамочке через две секунды после того, как прибыл на место.

Он ничего не сказал, просто подошел к стене и полез обратно на свой балкон.

– О нет. Так скоро нас покидаешь? У меня в запасе еще полно мелких пакостей, которые мы могли бы сделать вместе.

Адам высунул голову из-за перегородки, как только очутился на своем балконе.

– Слушай, а ты часто здесь бываешь?

– Каждый второй уик-энд.

Он повесил голову.

– Я тоже.

Я не стала утруждать себя фальшивой улыбкой.
– Ура.

Адам

Какого. Черта.

Я оглядел свои ладони, содранные в кровь после спешного и чуть не стоившего мне жизни возвращения на собственный балкон. Перила, внизу шершавые от ржавчины, сверху стали скользкими от недавнего дождя. Тошнота, холод и жжение пронзили меня в ту долю секунды, когда я оступился и едва не рухнул с шестого этажа навстречу смерти.

В холодном поту, я чувствовал, как колотится сердце. Мне, конечно, хотелось списать это на едва не состоявшееся падение или, может, выкуренную сигарету, но я не мог. Это из-за нее. Джолин. Из-за сказанных ею слов. Вернувшись в свою комнату – вернее, комнату, в которой остановился, – я упал в изножье своей – нет, *просто* – кровати и обхватил голову руками. Я чувствовал себя каким-то придурком, но в то же время не хотел заикливаться на этом, особенно когда за стенкой звучал смех отца и Джереми.

Отец расстался с мамой не потому, что встретил другую женщину. Что бы ни заставило его уйти, я считал это трусостью, а не изменой.

Я схватил наушники и телефон и врубил музыку на максимальную громкость, просто чтобы не слышать отца с братом или себя.

Не знаю, сколько времени я провалился на кровати, в конце концов вошел Джереми и выдернул из моих ушей наушники.

– Папа спрашивает – ты ужинать будешь?

Я хотел было снова закрыть глаза, но Джереми вцепился в меня мертвой хваткой. Я бросился на брата, впечатывая его в комод. Мы оба оказались на полу, и в следующее мгновение меня подняли и отшвырнули на бугристый матрас.

– Довольно! – Отец стоял между нами, раскинув руки в стороны. – С каких это пор вы грызетесь, как звери?

Я взглянул на Джереми и увидел крошечную струйку крови у него на губах. Должно быть, я толкнул его локтем, когда мы падали. Мы оба тяжело дышали, и он не смотрел мне в глаза. Не дождавшись от меня ответа, отец повернулся к Джереми.

– Кто-нибудь, скажите хоть слово.

– Да ничего особенного. Мы просто валялись дурака. – Джереми пожал плечами.

Я не видел папиного лица, но сомневался, что он купился. Я бы точно не купился. Поэтому я удивился, когда он опустил руки и прекратил допрос.

– Это не самая приятная ситуация для любого из нас. Я понимаю, вы, ребята, оказались меж двух огней, но, если вы сможете продержаться, мы справимся.

– Справимся? – Я медленно покачал головой. – *Ты* бросил маму. Как именно ты хочешь, чтобы *мы* справлялись с этим?

Папа опустил глаза, и мой брат, вытирая окровавленную губу, заговорил со мной тоном, в котором не осталось ни капли былой враждебности: – Да ладно тебе, Адам. Мы только приехали. Разве мы не можем просто... – Он замолчал, когда до него дошло, как я надеялся, что мы *ничего* не можем. По крайней мере, я не мог.

– У меня нет никакого плана. Это не то, чего я хотел, – и не то, чего хотела ваша мама, – добавил отец, когда я медленно поднялся с кровати. – Но на данный момент все обстоит именно так. Я... я работаю над этим, хорошо? – Он перехватил наши взгляды и удерживал их, а мне хотелось притвориться, что я не замечаю слез в его глазах. – А пока, может, договоримся больше не устраивать здесь бои без правил?

– Конечно, папа. Извини. – Джереми положил руку ему на плечо жестом, который, видимо, заставлял его чувствовать себя взрослым.

– Адам?

Я был слишком занят тем, что смотрел на брата-слабака, и не счел нужным ответить. Раньше – до *всего этого* – именно Джереми вступал в споры с отцом. Он никогда не юлил, даже если это казалось самым разумным. Он как будто наслаждался напряженностью, ему доставляло удовольствие видеть, как отец выходит из себя. Но потом все пошло наперекосяк. Отец в конце концов съехал, мама сломалась и впала в отчаяние, и Джереми сделал свой выбор. Он встал на сторону труса. В отличие от моего брата, я не собирался улыбаться и кивать папе, делая вид, будто меня не колышет то, что он бросил маму. Она плакала все утро, даже когда говорила нам, как рада, что мы увидимся с папой. Наверное, до сих пор плачет, а в это время мой брат извиняется перед отцом. Я снова почувствовал желание разбить в кровь губу Джереми.

– Я буду считать это согласием. – Отец похлопал нас обоих по плечам и вышел из комнаты. – Ужин остывает.

Мы с Джереми мельком встретились глазами, прежде чем он последовал за отцом, а я, оставшись один, дождался зова желудка и присоединился к ним.

Ужином оказалась еда навынос из какого-то местного заведения, о котором я никогда не слышал, но в Филадельфии трудно испортить чизстейк. Я думаю, что на троих мы съели штук восемь. И отлично, нам было не до разговоров, пока на барной стойке, за которой мы теснились, не осталось ничего, кроме смятой фольги и пустых пакетов.

Первым заговорил Джереми, похвалив папу за то, что тот успел подыскать хорошую закусочную с едой навынос. Я сжал руку в кулак, чтобы не ударить его.

Папа пустился в рассказ о том, как он нашел это заведение и обнаружил, что здесь закусовые даже лучше, чем в нашем Реддинге. Начались какие-то добродушные споры, и с каждым словом пицца у меня в желудке все сильнее превращалась в камень.

– Пусть Адам нас рассудит, – сказал отец. – Чей чизстейк лучше? От Майка или у меня, из закусочной Сонни?

Я посмотрел на отца, застывшего в нетерпеливом ожидании ответа. Он отчаянно нуждался в этом «обычном» общении со своими сыновьями. Я увидел в этом знак того, что мы втроем сможем справиться. Даже не имело значения, какую закусочную я назову лучшей. Он просто хотел, чтобы мы снова разговаривали. Он не питал иллюзий насчет того, что с этого момента все наладится или что его убитая квартира станет тем местом, где нам захочется остаться, но казалось, что именно сейчас решается наше будущее.

В то время как мама незаслуженно страдала от одиночества.

– Я думаю, что оба на вкус как дерьмо. – Я прыгнул с табурета и скрылся в комнате, где в обозримом будущем мне предстояло ночевать по выходным два раза в месяц. Через минуту я вытащил телефон и прослушал сохраненное голосовое сообщение двухлетней давности – последнее, что мне прислал мой старший брат Грег.

– Адам, Адам, Адам. – Его слегка поддразнивающий голос заставил меня улыбнуться, хотя сердце сжалось от боли. – И зачем тебе вообще телефон? Ладно, слушай, я приведу домой еще одну собаку, но пока не нашел дом для Балу, так что, разумеется, мама и папа не должны ничего знать. Мне нужно, чтобы ты переселил Балу в другую клетку в сарае – ту, где стоит голубая собачья лежанка. Но следи за его лапой, потому что он тебя укусит, если ты потянешь швы. Может, попросишь Джереми помочь? – Его голос зазвучал тише, как будто он отвел трубку от губ. – Сделаешь? Спасибо, старик. – В голос вернулась прежняя громкость. – Неважно. Дэниел заскочит и позаботится о Балу. Скажи маме, ладно? О Дэниеле, а не о собаке. Может, если она засуетится вокруг него, то не заметит, что новый парнишка вырвал кусок из моей ноги. – Он засмеялся над какими-то словами Дэниела. – Ты хочешь сказать, что не стал бы кусаться, если

бы парочка парней не пыталась снять колючую проволоку с твоей шеи? – Послышалось низкое рычание, и смех Грегa стих. – Ладно, мне пора идти, но я твой должник, братишка.

Я помнил это сообщение наизусть, но прокрутил еще пару раз, пока пелена слез не застлала глаза.

Я отправил сообщение маме: *Иду спать. Позвоню завтра. Люблю тебя.*

Джолин

Шелли демонстративно прикрыла рот и нос ладонью, когда я наконец вышла из своей комнаты. Я даже не потрудилась показать ей, что приняла душ. Мне казалось, что моих мокрых волос вполне достаточно, чтобы она догадалась, но, опять же, эта женщина сразу, как только переселилась к моему отцу, заявила – вполне себе серьезно, – что хочет, чтобы я относилась к ней как к сестре. Я прямо-таки описалась от смеха, что явно не понравилось моей самозваной сестренке.

Я решила больше не пилить ее за то, что она вскрыла мою почту. В конце концов, я сама устроила так, чтобы важные для меня документы присылали именно на этот адрес. Если бы информацию о кинопрограмме отправили в дом моей матери и она бы вскрыла конверт, для нее это означало бы, что мы с отцом сговорились снизить причитающиеся ей алименты, отослав меня куда-то на лето. И мне бы устроили выволочку посерьезнее, чем на балконе с Шелли. Мама раздула бы из мухи слона, в то время как отцу это совершенно безразлично. Такова моя жизнь, если в двух словах.

Как бы то ни было, долгожданный пакет я получила, и оставался шанс, что Шелли больше не заговорит об этом. Кроме того, если бы я исчерпала все другие возможности – а это наиболее вероятно – и мне пришлось бы обратиться к отцу с просьбой об оплате учебы, то я бы сама это сделала. Я бы предпочла спать с крысой в постели, чем доверить ей такое.

Если отбросить паразитов, я собиралась схватить что-нибудь на кухне и провести остаток вечера в своей комнате, просматривая документы на зачисление в киношколу, но вид сморщенного лица Шелли в ответ на несуществующий запах сигарет заставил меня сменить курс. Я устроилась на диване и вытянула ноги.

Так выглядела игра, которую вели мы двое: Шелли и я. В игре действовало лишь одно негласное правило: когда я входила в комнату, она уходила; когда она входила в комнату, уходила я. Мы играли уже довольно давно, и я не видела причин что-то менять, но время от времени Шелли все-таки пыталась это сделать. По тому, как она сейчас дышала – глубоко и через нос, – я могла сказать, что это как раз один из таких случаев.

– Мне очень жаль, что пришлось сказать все это в присутствии твоего друга.

– Хм? – Мне стало труднее отключиться от нее, когда она примостилась на противоположном валике дивана.

– Я думаю, если мы обе начнем относиться друг к другу с большим уважением, все пойдет намного проще.

Слушать Шелли об уважении – все равно что атеиста о Боге.

– Ты имеешь в виду уважение, которое ты не выказала мне только что на балконе? Или когда просматривала мою почту? Или еще раньше, в коридоре, когда поносила мою маму перед совершенно незнакомыми людьми? Такого рода уважение ты имеешь в виду?

– Я как раз пытаюсь попросить прощения.

Я предпочла выразительно промолчать. И этим все сказала.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы раскусить Шелли, после того как она прописалась в нашей жизни. Я бы не назвала ее золотоискательницей, выкачивающей жизнь и деньги из моего отца; она хуже. Шелли думала, что любит его. А пресловутая вишенка на торте обмана? Она полагала, что он любит ее. Не знаю, может, поначалу и любил. Но вот какая штука:

мой отец умел быть невозможно обаятельным. Наверное, потому и стал хорошим торговцем. Он продавал что угодно с таким азартом, что, по-моему, сам верил всему, что говорил. Когда они познакомились, Шелли, должно быть, показалась ему лучиком солнца в мрачной рутине жизни. Она всегда улыбалась и хвалила его, никогда не жаловалась на то, что он много работает, не замечала, как редют его волосы. Я уверена, она сделала все, чтобы рядом с ней он почувствовал себя мужчиной, и это случилось с ним впервые в жизни. А в ответ он щедро баловал ее подарками и поездками, пока не вскружил ей голову настолько, что она и не задумывалась о том, что у него уже есть жена и дочь.

И вот теперь Шелли застряла в убогой квартире, где он запер ее – и меня, – вынужденная терпеть его восьмидесятичасовую рабочую неделю после двух с лишним лет пустых обещаний, включая не появившееся до сих пор – а на самом деле и не планируемое – обручальное кольцо.

Думаю, можно сказать, что Шелли пролетела со счастливым будущим, которое нарисовала себе в мечтах, и разочарование оказалось крайне тяжелым. Каждый уик-энд, проведенный со мной, служил ей напоминанием о тех жизнях, что она помогла разрушить. Будь я милосердна, возможно, могла бы оценить то, что она не заставляла моего отца страдать от вины, помимо безрассудной глупости, но Шелли почему-то пробуждала во мне худшее.

Ее плечи поникли.

– Ладно. Даже не знаю, почему я пытаюсь наладить с тобой отношения.

– Да уж, твоей жизни не позавидуешь.

– В том-то и дело. Но так не должно быть. – Шелли подвинулась к кофейному столику напротив меня. – А тебе не надоело изображать капризного подростка? Потому что, если честно, я устала быть объектом травли.

– А что я могу сказать? Ты меня вдохновляешь.

Шелли робко протянула руку в попытке коснуться моих волос.

– Я все еще помню, какой ты была раньше. – Призрачная улыбка промелькнула на ее губах. – Ты позволяла мне заплетать тебе косы, просила научить новым позам йоги. Мы были подругами. Я знаю, ты это помнишь.

Я не могла забыть. Когда Шелли начала работать у моих родителей персональным домашним тренером, она казалась мне исполненным желанием, о котором я даже не подозревала. Энергичная, дружелюбная и такая симпатичная, она восхищала меня. В отличие от моих родителей, вечно занятых какими-то неотложными делами, из-за чего ей приходилось подолгу дожидаться их возвращения, Шелли не отвлекалась на свой телефон и полностью посвящала себя общению со мной. Она делала мне прически, рассказывала о колледже, сетовала на то, что парни из ее окружения такие инфантильные. Более того, она интересовалась, как прошел мой день, чем я живу, и слушала так, словно это имело значение.

Изменилось все настолько незаметно, что мой тринадцатилетний мозг не уловил этого момента. От расспросов о футбольных тренировках она перешла к выпытыванию подробностей о колких отношениях моих родителей и проявлению сочувствия ко мне, когда я проболталась. К тому времени, как я осознала, что происходит, было уже слишком поздно. Папа начал встречаться с Шелли в своем офисе, а мама, чтобы не отставать, наняла себе профессионального тренера по фитнесу по имени Хью, и то, чем он с ней занимался, легально оплачивалось только в Лас-Вегасе. Спустя три месяца были поданы бумаги на развод, адвокаты объявили войну, а у мамы начался страстный роман с «Джеком Дэниелсом»².

И Шелли никак не могла понять, почему я не позволяю ей заплетать мне косы?

Мне потребовалось все мое терпение, чтобы не отшатнуться от нее. В конце концов, мне уже далеко не тринадцать. Я смотрела на ее прошлую дружбу со мной как на грязное пятно и не собиралась избавлять ее от возможных угрызений совести, притворяясь, что это не так.

² Jack Daniel's – популярная марка американского виски.

Я встретила с ней взглядом.

– Я помню *все*.

Шелли кивнула мне раз, другой и опустила руку.

– Ладно. Я поняла. Ты меня ненавидишь. На твоём месте я тоже могла бы ненавидеть, только вот думаю, что поступила бы умнее.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Я многое терплю, и не только от тебя и твоей мамы.

Я подперла голову рукой и вскинула бровь.

– О нет. Только не говори мне, что в раю проблемы.

– Ты нарываешься на пощечину, да?

Поднялась и другая моя бровь. Что бы Шелли ни говорила – а болтала она много, – я ни разу не слышала от нее угроз. Я и не думала, что она способна на такое. Однажды я видела, как мама выволокла ее из дома за волосы, а Шелли только расплакалась. Неужели за фасадом куклы Барби скрывался монстр?

Я полагаю, что угроза взрослого ударить тебя вызывает естественный страх, но Шелли даже этого не могла мне внушить. Она превосходила меня в весе килограммов на пять – это без учета сисек, – хотя преимущество в возрасте было не столь значительным. У некоторых моих друзей были братья и сестры гораздо старше ее.

Похоже, Шелли и сама догадалась, что ее тактика запугивания провалилась. Она вздохнула.

– Скоро здесь все изменится. Я тебе обещаю.

– Даже не сомневаюсь в этом. – Я выудила из-под подушки пульт от телевизора и жестом попросила ее отодвинуться, чтобы не закрывать мне обзор. Она даже не шелохнулась.

– Я знаю, ты считаешь меня временным вариантом, но одна из нас жестоко ошибается.

Я включила телевизор и устроилась поудобнее, чтобы сосредоточиться на экране.

– Ты же не думаешь, что он собирается жениться на тебе?

Шелли вскочила на ноги и не совсем уверенно взмахнула рукой.

– Зачем ему нужно, чтобы ты бывала здесь? Ты когда-нибудь думала об этом? – Ее брови взлетели. – В отличие от твоего нового друга-соседа, отец не проводит с тобой время, не так ли? Сегодня выходной, а он предпочел быть на работе. Снова.

Я сжала пульт так крепко, что побелели костяшки пальцев, но голос мой звучал ровно:

– В этом и заключается фундаментальная разница между нами, одна из многих. Я нахожусь здесь, потому что моему отцу доставляет удовольствие отбирать что-либо у моей мамы, даже то, что ему даром не нужно. – Я почувствовала, как дернулось у меня веко от такого признания, при всей моей уверенности. Я не могла полностью раствориться в безразличии, которое пыталась демонстрировать перед Шелли. Я одарила ее улыбкой из тех, что обычно прибегают для видео с кошками, неловко преодолевающими препятствия. – Ты здесь потому, что мой отец считает нелепостью платить за секс.

Думаю, Шелли все-таки влепила бы мне пощечину, если бы находилась на расстоянии удара. Вместо этого она посмотрела на меня полными слез глазами, а затем решительно прошагала в комнату, которую делила с моим отцом. Она так сильно хлопнула дверью, что одна из картин на стене с грохотом упала на пол.

Я не стала поднимать.

Схватив ближайшую подушку, я пощелкала пультом, нашла ситком «Полный дом» и провела остаток вечера в волшебной телевизионной стране. Или, по крайней мере, пыталась. Возможно, мне следовало выбрать сериал, где семья больше походила на мою собственную. Что-

нибудь на канале Animal Planet³ с сюжетом, в котором отец уходит, а мать съедает своих детей.

Я вцепилась в несчастную подушку так крепко, что она чуть не лопнула.

Адам

Я почувствовал неладное, как только проснулся. Меня насторожила какофония мелочей, которые сложились в картину неправильности, как бывает, когда берешь напрокат обувь в боулинге. Еще не открывая глаз, я почувствовал колючую жесткость простыней, царапавших кожу при малейшем движении. И звуки резали слух. Никаких птиц. Вместо щебета и трелей – приглушенный шум уличного движения, время от времени прерываемый ревом клаксона. Потом что-то щелкнуло, и с глубоким, стонущим хрипом в комнату хлынул теплый воздух. Ощущение неправильности не рассеялось, когда я открыл глаза, но пришло осознание происходящего.

Тонкие занавески цвета ржавчины на раздвижных балконных дверях пропускали тусклый сентябрьский свет, давая мне возможность разглядеть вокруг много больше того, что мне хотелось бы. Прошлым вечером я намеренно не стал включать настольную лампу, предпочитая, чтобы тени скрывали обстановку, заранее вызывавшую у меня отвращение.

Отец и сам только что переехал сюда, и ему предстояло капитально отремонтировать квартиру, так что не сказать, будто бы я ожидал какого-то убранства, но вид спартанской мебели с барахолки явно не улучшал настроения. Меня доконала гравюра над кроватью. Вид яблоневого сада. Мне стало интересно, отец повесил ее нарочно или она шла в комплекте с квартирой. В любом случае ее издевательский намек заставил меня вскочить с постели, как если бы меня окатили холодной водой.

Дома я мог бы выглянуть в окно и увидеть настоящие яблони, вдохнуть свежий, чуть сладковатый воздух. Ни один звук проезжающей машины не резанул бы слух, не говоря уже о грохоте сотен других. Мы жили отнюдь не на ферме и не в сельской глуши – просто в доме, стоящем в стороне от главной дороги, окруженном деревьями, тишиной и, как мама напомнила мне вчера, с изредка забредавшими к нему оленями.

Неужели это было только вчера? Прошлым вечером? Я сел на кровать спиной к гравюре с садом и выудил телефон из кармана джинсов, валявшихся на полу. Телефон прозвонил дважды, прежде чем она ответила:

– Алло?

– Мам, на экране твоего телефона высвечиваются мое лицо и имя, когда я звоню.

Она рассмеялась, но в ее смехе прозвучало больше облегчения, чем веселья.

– Я знаю, но что, если твой телефон оказался у кого-то другого?

– Это как если бы его украли? С какого перепуга они стали бы звонить моей маме?

– Может, это не вор, а добрый самаритянин? Или Джереми.

– У Джереми есть свой телефон, и я сомневаюсь, что в радиусе двадцати кварталов отсюда найдется хоть что-нибудь доброе. – Я подумал о Джолин и Шелли. Повисла пауза, пока мама пыталась сообразить, как реагировать на мой негатив. Я громко зевнул. – Я просто устал. Матрасы здесь – как мешки, набитые старьем.

Еще одна пауза.

– Это шутка, мама.

Снова дрожащий смех. Должно быть, у нее ночь выдалась хуже, чем у меня.

– Я не всегда могу угадать, что ты меня дразнишь.

– Ладно. – Я встал и потянулся. – Больше никаких шуток. – Ты в порядке? Поспала хоть немного?

³ «Планета животных» (англ.).

– О, конечно. – Она придала своему голосу чрезмерную бодрость. – Просто готовлю завтрак на одного.

Я представил себе, как она стоит на кухне, намертво вцепившись в столешницу. Наверное, она уже несколько часов на ногах. Я бы не удивился, если бы она успела перекрасить полдома или что-то в этом роде.

– А ты как? Хорошо провели время с отцом вчера вечером?

Я думал, как ответить на вопрос, задать который ей наверняка стоило огромных усилий. Что бы я ни сказал, это причинит ей боль. Она почувствует себя еще более одинокой, скажи я, что нам здесь хорошо, и будет винить себя, услышав от меня правду. Так что, в порыве восторга или безумия, я выпалил единственное, что пришло мне в голову:

– Я встретил девушку.

– Ты... что? – наконец-то вырвался спонтанный ответ.

– Она живет в этом же доме, точнее – в соседней квартире.

– Подожди, подожди, подожди. – В трубке что-то звякнуло. – Сейчас налью себе кофе, а потом хочу услышать все-все-все. Как ее зовут?

Я с облегчением улыбнулся. Мама заговорила как мама впервые за нереально долгое время.

– Джолин.

– Как в песне Долли Партон?⁴ Интересно, ее называли в честь... о нет. Скорее всего, нет. Там она вроде как разрушительница домашнего очага. Хотя сама песенка очень милая.

– Она красивая, – сказал я, впервые осознав, что это правда. Ну, по крайней мере, объективно, если не думать об остальном. – У нее замечательная улыбка с щербинкой между передними зубами и извращенное чувство юмора, но мне это даже нравится. – Я поймал себя на том, что рассказываю маме о Джолин – во всяком случае, то, что знаю о ней сам, – старательно опускаю детали, которые не могли бы никак исказить картину, которую я рисовал. Когда я закончил, даже мне стало ясно, как бы я втрескался в эту девчонку, если бы все пошло немного по-другому.

– А что я тебе говорила? – сказала мама. – Я знала, что тебе непременно кто-нибудь понравится. Когда ты снова увидишь ее?

– Хм. Не знаю. Мы ведь только познакомились.

– О, конечно, но это просто замечательно, понимаешь? Джереми не хочет говорить со мной о девушках, и... в общем, это очень мило с твоей стороны.

Грег часто говорил с ней о таких вещах. Я почувствовал, как давняя, но неугасающая грусть вспыхнула с новой силой, когда мамин голос загустел от подступивших слез. Я пытался сохранить ровный тон.

– Обещаю, что буду и впредь рассказывать тебе о ней. Я постараюсь увидеть ее снова сегодня.

– Может, тебе удастся ее сфотографировать? – сказала мама и добавила: – Ей даже необязательно знать, что ты ее снимаешь.

– Мам, это называется скрытым преследованием, что большинству девушек не нравится.

– Ты опять меня дразнишь, да?

– Да, но все равно не буду тайком фотографировать, даже ради тебя.

– Мой смешной мальчик. Ты заставляешь меня еще больше скучать по тебе.

– Больше, чем по Джереми. Так себе любезность.

– Я скучаю по вам обоим.

Я закатил глаза, но телефон сводил эффект на нет.

– Ну да. Он тебе хотя бы позвонил?

⁴ «Джолин» – кантри-песня, ее автор и исполнитель – Долли Партон. Была выпущена в октябре 1973 года.

– Позвонит. Он, наверное, еще спит.

– Это легко исправить. – Я опустил трубку и издали услышал, как мама просит не будить брата, в то время как я направился в соседнюю комнату, чтобы сделать именно это.

Бугор под одеялом на диване подсказывал, что папа еще спит. Оказавшись в другой, полутемной комнате, я, уже не церемонясь, толкнул своего паршивого брата.

– Вставай и поговори с мамой. – Я не стал обзывать его вслух, потому что мама могла услышать.

– Адам, что за... – пробурчал не-Джереми. Отец заморгал спросонья. – Что с мамой? – Он оказался шустрее меня и схватил телефон, прежде чем я успел исправить свою оплошность. – Сара? С тобой все в порядке?

А потом мне пришлось выслушивать приглушенные мамины объяснения, что я должен был дать трубку Джереми. Мне стало еще более неловко, когда отец объяснил, что после того, как я лег спать, они с Джереми решили поменяться местами. Проблема была не в самом разговоре, а в том, что мои родители общались как чужие и это причиняло боль. Папа с его хриплым сонным голосом, который он все пытался замаскировать, мама с ее болезненной чрезмерной вежливостью. Они не производили впечатления людей, женатых уже двадцать лет. Имеющих общих детей. Натянутые фразы «как дела?», которыми они обменялись перед тем, как повесить трубку, заставили меня страдать еще больше.

– Извини, – сказал я, когда папа вернул мне телефон.

– Может, в следующий раз перенесешь пробудку на более поздний час?

– Я думал, тут Джереми.

– Он вызвался лечь на диване.

– Я понял. – На этом я закончил самый долгий разговор, состоявшийся у нас с отцом за последние недели. Я вышел из комнаты, предоставив ему самому решать – встать, или снова заснуть, или еще что. Когда я возвращался к себе через гостиную-прихожую, Джереми уже сидел на диване и почесывался.

– Что это было?

– Все из-за того, что ты – осел, – сказал я. – Позвони маме.

Джолин

Звонок в дверь раздался в самое неподходящее время. Я просматривала материал, снятый вчера на балконе, пытаюсь решить, считать ли плохое освещение крутой стилистической особенностью или я все-таки испортила фильм. Я уже собиралась нажать «паузу» на своем ноутбуке, но тут пошли кадры последних нескольких секунд – те самые, когда Адам подглядывал за мной со своего балкона. Угасающий солнечный свет освещал только половину его лица, делая заметной легкую складку между бровями, которая выдавала скорее любопытство, чем недовольство.

И я решила, что освещение просто идеальное.

Вздохнув, я пошла открывать, рассудив, что для доставки заказанной мной китайской еды рановато, если только разносчики не передвигаются на машине времени. Я и не ожидала, что прибудет мой обед, но, когда открыла дверь, не меньшее удивление, чем путешествующие во времени курьеры, вызвал у меня тот, кто стоял на пороге.

– Пришел покурить, что ли? – спросила я.

Адам покраснел, и если накануне вечером я находила милым румянец, разливавшийся по его щеке и лицу, теперь он не казался мне таким уж привлекательным.

– Я хочу попросить тебя об одной услуге.

Я прислонилась плечом к дверному косяку.

– Еще чего. Ты вчера понес такую чушь, что я не намерена помогать тебе.

– За тобой должок, – сказал он, и румянец расплзся до ушей. – За сигарету.

– Неверный ход. Попробуй еще раз. Никто не заставляет тебя прыгать на мой балкон и брать у меня сигарету. И я точно не принуждала тебя курить.

– Серьезно?

– Серьезно. Чего ты хочешь? – Любопытство взяло верх над желанием изображать самодовольное превосходство. Губы Адама вытянулись в тонкую линию, и мой интерес возрос. Похоже, его совсем не радовало то, о чем он хотел меня попросить.

– Мне нужно тебя сфотографировать.

Мои брови взлетели вверх.

– Прошу прощения?

Адам смотрел куда угодно, только не на меня.

– И в каком же виде?

– Обычная фотка.

– Зачем?

Я не думала, что можно покраснеть еще сильнее, но у него получилось.

– Это для моей мамы.

– Даже не знаю, как это понимать, но в любом случае оставь эту идею. – Я попыталась закрыть дверь, но Адам придержал ее ногой.

– Послушай, я вовсе не пытаюсь тебя преследовать...

– Но именно этим и занимаешься, так что отпусти мою дверь.

– Я не останусь в долгу. Выкурю столько сигарет, сколько захочешь, да что угодно.

Наша борьба за дверь прекратилась. Похоже, он настроен серьезно. Его карие глаза впились в меня, и, хотя при желании я могла бы рывком закрыть дверь, по всему было видно, что он *в отчаянии* и ему позарез нужна моя фотография. Я почувствовала, как покалывает кожу.

– Хорошо, слушаю.

– Да?

Когда я кивнула, он отпустил дверь. Какая доверчивость. Меня так и подмывало в назидание захлопнуть ее перед его носом. Но я этого не сделала. В конце концов, мои сигареты сами собой не выкурятся.

– Вчера вечером я сказал тебе, что мои родители разошлись...

– Вчера вечером ты много чего сказал.

– И я хочу попросить прощения за то, что наговорил лишнего, просто позволь мне сделать эту фотографию.

Я могла бы сказать ему, что начинать с извинений, если хочешь обратиться с просьбой, лучше всегда, но жестом разрешила ему продолжить.

– Моя мама предпочитает делать вид, что с ней все в порядке. Они оба так себя ведут. Но то, что мы здесь, ее убивает. Она не очень хорошо справляется с одиночеством. – Он сглотнул, и в какое-то мгновение мне показалось, что он вот-вот разрыдается. Эта перспектива заставила меня отступить назад. Я и представить себе не могла, что боль моей матери может быть настолько сильной, чтобы стать и моей болью. – Я думаю, она боится, что мы с Джереми отдалимся от нее, решим, что нам больше нравится здесь, с отцом. – Он тряхнул головой, как будто ужасаясь нелепости этой идеи.

Я сложила руки на груди.

– Похоже, тебе нужно послать ей фотографию вашей квартиры. Никто не стал бы по своей воле проводить время в Оук-Вилладж, если только к этому не обязывает соглашение об опеке, как в моем случае, или это не попытка убедить судью в бедственном финансовом положении, не позволяющем платить больше алиментов, как в случае с моим отцом.

– Это даже не для того, чтобы доказать маме, что я хочу остаться с ней, – сказал Адам. – Нельзя допустить, чтобы она думала, что мне здесь плохо, иначе ей станет еще больнее и она будет винить себя за то, что заставила меня пройти через это. Я не хочу добавлять ей страданий.

Вся эта история в духе «Даров волхвов» начинала меня бесить. Кожу уже не просто показывало, она горела, и я чувствовала, как что-то подступает к горлу.

– Давай ближе к делу, Адам.

– Я сказал ей, что встретил девушку. Тебя.

– Ты действительно встретил девушку. Меня. – Я намеренно косила под дурочку, но мне показалось справедливым заставить его немного помучиться, пока его родители воюют за него, потому что оба хотят его видеть. Подступающая желчь обожгла горло, разливаясь горечью во рту, прежде чем я смогла сглотнуть ненавистный ком вместе с ядовитыми мыслями.

– Я убедил ее, что у нас завязалось общение.

– То есть ты не говорил ей о том, как называл мою семью испорченной и осуждал мою мелочность? – Я погрозила ему пальцем. – Ты не должен лгать своей матери, Адам.

– Спасибо тебе за урок морали. Дело в том, что я рассказал ей о девушке из соседней квартиры, и это ее обрадовало. Мне нравится делать ее счастливой, и она будет *по-настоящему* счастлива, если я покажу ей твою фотографию.

– Но почему именно мою? Почему бы тебе не найти фотографию какой-нибудь девушки в интернете и не выдать ее за меня? – Я закатила глаза, увидев его невербальную реакцию. – У тебя есть какое-то условие? Ты краснеешь. – Конечно, от моего замечания он стал и вовсе пунцовым.

– Просто ты... не такая, как все.

Ах, так он все-таки пытался найти случайную девушку в интернете. Я театральным жестом перебросила через плечо свою косу до пояса.

– Красота иногда сама себя наказывает. Мне постоянно говорят, что я могла бы стать моделью, если бы была повыше ростом, имела другое лицо и другую фигуру. – Увидев, что он даже не улыбнулся, я со вздохом опустила руки. – Кажется, кто-то хотел принести мне извинения.

Все та же неловкость заставила его сжать губы. По-видимому, извинения вызывали ступор не меньший, чем просьбы об одолжении.

– Я ничего не знаю о твоей семье, так что был не прав, когда выносил свои суждения.

Мы оба уставились друг на друга.

– И это все? – спросила я. – Ты вообще попадаешь в неприятности?

– Что?

– Забудь. Очевидно, нет, потому что ты не умеешь извиняться. Ты должен был просто сказать мне, что сожалеешь о том, что я обиделась. Так ты снимаешь с себя всякую ответственность.

Он ждал, что я скажу что-нибудь еще, и, когда я промолчала, его ноздри раздулись и он повернулся, чтобы уйти, очевидно решив, что не готов терпеть меня даже ради счастья своей матери.

Я попыталась вспомнить, что чувствовала, когда в моей семье все пошло наперекосяк. Пожалуй, летучую смесь уязвимости и... Нет, тогда все сводилось к одной лишь уязвимости. Толстой кожей я обрастала в течение долгих месяцев, разрываясь между адвокатами, горькими обвинениями и еще более уродливыми признаниями, пока не обнаружила, что безразличие служит мне гораздо лучшую службу, чем горячие и холодные эмоции.

Адам явно находился на той стадии, когда хочется всех убить, так что, наверное, вчерашним вечером я приняла не самое мудрое решение, играя на его чувствах. И, честно говоря, я ведь тоже ничего не знала о его семье.

Я понимала, что, если позволю ему уйти, мне придется торчать одной, пока не вернется Шелли, и это казалось весомой причиной позвать его обратно. Во всяком случае, это выглядело логичным, если бы не противный холодок в животе, напоминавший о том, что он не единственный, кто переступил вчера черту.

– Слушай, ты меня тоже извини за шутку насчет подружки твоего отца. – Я стиснула зубы, заставляя свои внутренности успокоиться. Вообще-то я тоже не умела просить прощения. – Давай уже, делай свои фотки.

Адам остановился, но не вернулся.

Меня бесило то, как ловко ему удалось разыграть обратную ситуацию, где мы поменялись местами. Теперь я перед ним извинялась.

– А если я пообещаю впредь вести себя лучше, это поможет? – По крайней мере, я могла бы постараться. Мне не привыкать.

Адам вернулся, хотя и неохотно.

– И, может быть, нам следует избегать разговоров о наших родителях, – добавила я.

– Я – за.

– Так мы будем фотографироваться?

Он вмиг достал телефон, и его большой палец завис над экраном. Но снимок он так и не сделал.

– Может, выйдем на улицу или еще куда-нибудь? – Он огляделся вокруг, выразительно посмотрев на мерцающую лампочку. – Как-то...

– Очень мрачно и уныло в этом коридоре?

– Да, – сказал он. – Именно.

Как будто я могла предложить ему что-либо более привлекательное в столь же мрачной и унылой квартире моего отца.

– Ты водишь машину?

Адам отрицательно покачал головой.

– Мне будет шестнадцать только в феврале.

– У меня день рождения в январе, – сказала я. – А как насчет твоего брата? Он же за рулем?

– Я лучше останусь в коридоре.

– Серьезно? – Адам даже не ответил. – Ладно, тогда пойдем пешком. В паре кварталов отсюда есть чудесное местечко, где подают чизстейки... – начала я, но он меня перебил:

– Можем просто найти какое-нибудь дерево поблизости или что-нибудь в этом роде.

Я пожала плечами.

– Ладно, это твоя фотография. Подожди, возьму куртку.

Я захватила и видеокамеру и последовала за ним к лестнице. Мы играли в молчанку всю дорогу вниз; я помалкивала, потому что все, что приходило на ум, строго говоря, не укладывалось в категорию *хорошего поведения*. Мне теперь приходилось следить за собой рядом с Адамом. А он, похоже, проявлял вежливость на автопилоте. Даже открыл передо мной дверь.

Чудик.

Адам

В местечке под названием Оук-Вилладж⁵ оказалось на удивление мало дубов. За ужином отец что-то говорил о планах благоустройства территории, но что в первую очередь нужно заняться самим домом.

⁵ Oak Village – «Дубовая деревня» (англ. букв.).

Мы нашли дерево в полуквартале от нас, и Джолин, постучав по стволу ногой, повернулась ко мне лицом.

– А что мне за это будет?

– В смысле что? – переспросил я.

– Проехали. Так пойдет? – Она прислонилась к дубу и слегка склонила голову набок. Когда она улыбнулась, сверкнула щербинка между зубами, и мне даже понравилось, что она не пытается это скрыть.

Я поднял телефон и сделал снимок.

– Ну-ка, дай посмотреть. – Она прижалась ко мне сбоку, и я вдохнул нежный аромат жимолости, исходивший от ее волос, когда она заглянула в телефон через мое плечо. – Ты что, снимал с закрытыми глазами?

– Что? – Я поймал себя на том, что слишком часто произношу это в ее присутствии. – Нет.

– Просто это худшая фотография, когда-либо сделанная со мной. – Она взяла у меня телефон и придержала его перед нами на вытянутой руке. – Улыбочку. – Послышался щелчок. – Вот так. Гораздо лучше. Видишь, теперь не кажется, будто у меня только один глаз? Вау, а мы хорошо смотримся вместе. Ха.

Она наклонила телефон, чтобы я мог увидеть фотографию. Нас двоих. Она все проделала так быстро, что я даже не успел почувствовать себя неловко. Когда она прижималась ко мне, от нее пахло чем-то сладким, как от дерева, к которому она прислонялась до этого. На фотографии она улыбалась, а я смотрел на нее с беззаботным выражением лица.

– Да, только я не могу послать это своей маме.

– Почему нет? – Она снова забрала у меня телефон, чтобы рассмотреть фотографию.

– Сейчас ты просто милая девушка, которую я встретил. Если она увидит это, ты вдруг станешь девушкой, с которой я фотографируюсь, и... что ты делаешь? – Она возилась с моим телефоном.

– Посылаю фотографию твоей маме. Я полагаю, она и есть контакт с пометкой «Мама». Ничего себе, ты ей часто звонишь.

Я вырвал у нее телефон, но расслышал звук отправки.

– Зачем ты это сделала?

– Ты сказал, что хочешь сделать свою маму счастливой. Как раз эта фотография ее и осчастливит. Сам посмотри. Какая я симпатичная и как мило ты смотришь на меня

– Верно. Спасибо, – отрывисто произнес я.

Отметка о доставке сообщения словно издевалась надо мной, пока я пытался сообразить, как объяснить маме эту фотографию и сгладить ситуацию. Я сунул телефон обратно в карман.

– Ладно, увидимся. – Я пошел обратно к дому, но успел сделать лишь пару шагов. Джолин остановила меня, потянув за рукав.

– Сильно обижаешься? Это всего лишь фотка. Я же не облизывала тебе лицо или что-то в этом роде.

– Ты не понимаешь. – Я попытался стряхнуть ее, сначала мягко, но с чуть большей силой, когда она оказала сопротивление. – Можно мне вернуть свою руку?

– Чтобы ты смог рвануть в свою квартиру? Нет.

Я удивленно поднял брови, как бы говоря: *Ты серьезно?* В ответ она тоже вскинула брови.

– Возьми себя в руки на пару секунд и объясни, почему ты так злишься из-за того, что я послала нашу невинную фотографию твоей маме.

– Вот именно, что *нашу*. – Я расслабил руку, чтобы она последовала моему примеру. – Она подумает, что ты больше, чем просто соседская девчонка.

– Ты хочешь сказать, что это не так?

Я почувствовал, как мое лицо вспыхнуло.

– Я оценил качество съемки, но эта фотография... она должна была изображать тебя, а не нас. Твое фото просто должно было отвлечь ее, чтобы мама не заикливалась на том, что она одна в нашем доме впервые с тех пор, как... – Я тяжело сглотнул, чувствуя жжение в глазах. Пришлось сделать глубокий вдох, сосредоточиваясь на том, как прохладный воздух наполняет легкие, пока я не взял себя в руки. – Получилось все гораздо серьезнее, чем есть на самом деле. Во всяком случае, она так подумает. – Я снова достал телефон и вывел на экран фотографию. – Ты действительно не понимаешь, в чем проблема?

Ее брови сошлись, и она затеребила нижнюю губу, изучая мое лицо, даже не взглянув на телефон.

– Ты хочешь сказать, что мне следовало облобызывать тебя? – Она расхохоталась, когда я стиснул зубы. – Вау, как ты напрягся. Я просто шучу. И да, мне понятна твоя извращенная точка зрения. – Наконец она отпустила мою руку. – Стало быть, ты попал в переплет, и это моя вина. – Она искоса посмотрела на меня, ожидая подтверждения. Я сложил руки на груди. – Честно говоря, я думаю, что ты слишком узко смотришь на все это. Ты хочешь успокоить свою маму. Отлично. Симпатичная девушка по соседству, – она указала на себя и слегка присела в реверансе, – сама по себе хороша для того, чтобы отвлечь маму на пару уик-эндов или, может, на три? А что будет дальше, когда новизна одного моего существования исчезнет? Конечно, я потрясающая и очень милая, так что, может, ты растянешь удовольствие и на четыре уик-энда, но всему есть предел. Так что же ты планируешь после этого? – Она едва выдержала паузу, прежде чем продолжить: – Видишь, вот почему я нужна тебе не только из-за моей зашкаливающей фотогеничности. Я как единица имею ограниченный срок годности. Я и ты, мы, – она хлопнула ладонью себя и меня по груди, – это уже совсем другое дело. Небо – вот предел. – Она наклонилась ко мне и вскинула руку, размахивая над нами невидимым знаменем. Я вдыхал запах ее волос, как законченный псих, поэтому резко отстранился, чувствуя, как пылает мое лицо.

Когда я устался на ее воображаемое небесное знамя, она сбросила шутовскую маску и посерьезнела.

– Послушай, я просто хочу сказать, что на самом деле помогла тебе. Если твоя мама действительно переживает трудные времена, тогда идея взаимного чувства сделает для нее гораздо больше, чем твоя односторонняя влюбленность. Ты хотел подарить ей картинку. Вместо этого подкинул целую историю.

Я не мог не задуматься: в ее словах прозвучало много разумного. Все шло к тому, что мама еще тяжелее будет переживать наши выходные вдали от дома. Может быть, затея с этой фотографией не так уж и плоха.

Джолин широко улыбнулась, когда поняла, что до меня дошло.

– Да, хорошо. И, пожалуй, спасибо тебе, – сказал я.

– О, но я еще не закончила свои добрые дела на сегодня.

Я хотел было возразить, когда она достала и направила на меня свою видеокамеру, но рассудил, что все должно быть по-честному, поэтому позволил ей поснимать меня, потом ее, потом нас – и все это за разговорами и обсуждением ракурсов.

– Хотя ты и предложил мне свою услугу взамен, я решила, что подвергать тебя риску рака легких только для того, чтобы позлить моего отца и Шелли, – это, пожалуй, чересчур для такой мелкой особы.

Я рассмеялся. И удивился сам себе. Пару минут назад я чуть не потерялся в воспоминаниях, которые могли меня сломать.

– Я сдуру брякнул про мелочность. И я все понимаю. Знакомство с Шелли многое прояснило. Но твоя идея мне нравится.

Она склонила голову к камере и пожевала губу, прежде чем внезапная улыбка заставила ее остановиться.

– Вообще-то ты довольно милый, Адам. – Когда я опять раскраснелся, она подошла ко мне и выставила камеру перед нами. – И посмотри, какая я милая.

Мой рот непроизвольно дернулся, и я жестом указал на камеру.

– Ты что, одна из тех, кто постит каждую секунду своей жизни в социальных сетях?

– Нет, я одна из тех, кто запечатлевает моменты, чтобы рассказать историю, как он этого хочет, он же кинорежиссер.

– Ах да, – подхватил я, вспоминая, как Шелли говорила что-то о программе киношколы накануне вечером. – Значит, ты снимаешь фильмы?

– Я снимаю *классные* фильмы. Пока только короткометражные и без сценария – скорее срезы жизни, – но полнометражные художественные фильмы – мое будущее. – Вздыхнув, она опустила камеру. – Как сейчас, но лучше, потому что я смогу контролировать результат, вырезать то, что мне не нравится, и оформить остальное так, как я хочу.

– Вау, круто. – Это прозвучало искренне, но в то же время как-то грустно. Я помахал рукой с телефоном. – И еще раз спасибо. За то, что была так мила, и не только со мной.

– Знаменитая мама. Скажи мне, почему ты так стремишься сделать ее счастливой?

– Помимо того, что она моя мама?

Джолин кивнула и внимательно посмотрела на меня. И я ответил более искренне, чем намеревался:

– Она думает, что все это – наша распавшаяся семья – ее вина. Но это не так. Мой отец, это он нас бросил. – Я закрыл глаза, вспоминая то утро, когда он ушел, и жалея о том, что не смог его остановить. – Она несчастлива уже очень давно, и больше всего на свете я хочу это исправить.

Вздох Джолин вернул меня в реальность.

– В предисловие к тому, что я хочу сказать: я действую из лучших побуждений. Постарайся не принимать близко к сердцу, если у тебя не получится сделать свою маму счастливой.

Джолин

– О, мамочка! Твоя дражайшая дочь вернулась домой! Давай, осыпай меня поцелуями и слезливыми историями об одиночестве.

Эхо моего голоса отскочило от сводчатого потолка прихожей и вернулось ко мне единственным ожидаемым ответом, так что я не удивилась. Был воскресный вечер, и это означало, что моя мама, наверное, еще торчит в спортзале. Я поволокла свою сумку к себе наверх и, бросив ее возле кровати, потащилась на кухню. Как и практически весь дом, она была девственно чистой и ослепительно белой – от застекленных белоснежных шкафов до столешниц из каррарского мрамора и сверкающей хрустальной люстры. Все это великолепие померкло, как только я уловила запах лазаньи, которую миссис Чо оставила для меня в духовке.

Формально в обязанности миссис Чо входила только уборка в доме три раза в неделю, по утрам, пока я в школе, – это правило мама ввела для того, чтобы исключить мое общение с тем, кого я открыто предпочитала ей самой. Но эта милая женщина начала и готовить для меня, когда мама решила, что пресловутый ключик к ее счастью привязан к количеству сброшенных килограммов, и перестала употреблять в пищу все, что не умещалось в бокале для мартини.

Я откинула фольгу и утонула в аромате сырной, чесночной вкусятинны.

– Я тоже скучала по тебе, – сказала я своему ужину. Блюдо оказалось слишком горячим, и я, конечно же, обожгла рот, так что пришлось смириться с болтающимся под небом лоскутком кожи, но на что только не пойдешь ради лазаньи миссис Чо.

Внезапная догадка погнала меня через всю кухню к холодильнику, и, распахнув дверцу, я заплясала от радости. На второй полке стоял чизкейк, усыпанный сочными красными виш-

нями. Я проверила наш тайник в хлебнице на рабочем столе и нашла лучший подарок: записку, написанную бисерным почерком миссис Чо.

Я смотреть фильм про человек ведет машину. Мне больше всего нравится фильм про собаку. Я готовить тебе сырный ужин и сырный десерт. Будь умницей.

Мой смех эхом разнесся по кухне. Я знала, что психологический ужастик «Куджо» ей понравится больше, чем сочная криминальная драма «Драйв» – в конце концов, она работала на мою мать. Мы с миссис Чо недавно организовали киноклуб. Она хотела улучшить свой английский, и я только радовалась возможности рекомендовать ей фильмы. В ближайшее время я собиралась испытать ее нервы на менее кровавом, но, возможно, более ужасающем детективно-сатирическом фильме «Прочь».

Я стала читать дальше. Ее записки обычно не отличались многословностью, а эта была самой короткой из всех, но именно последняя строчка, которую она всегда добавляла, наполняла мое сердце теплом, а глаза – слезами: *Я скучать моя девочка.* Я помнила, как приходила домой из школы, и миссис Чо ждала меня, чтобы обнять и усадить за кухонный островок, и я помогала ей стряпать. От нее всегда пахло свежим хлебом и моющим средством *Windex*, и она почесывала мне спину, пока я вымешивала что-то в мисках размером больше меня самой. В то время она почти не говорила по-английски, а я знала лишь несколько корейских слов, которым она меня научила, но мы всегда понимали друг друга.

Я перевернула листок и своим более смелым, твердым почерком написала названия еще пары фильмов, которые рекомендовала посмотреть, а затем горячо поблагодарила за весь сыр, что собиралась съесть этой ночью, и добавила, что тоже скучаю по ней. Моя рука дрожала, когда я прятала записку, чтобы миссис Чо нашла ее завтра.

Наши записки могли показаться пустячными, но мне пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы эта боль сняла тяжесть в груди, и только после этого я смогла отправить в рот первый кусочек пушистого чизкейка.

Если бы мама знала, сколько я съедаю за день, она бы вышвырнула меня на улицу и закидала камнями. Возможно. Наверное. Но скорее всего, она бы использовала это как предлог, чтобы лишний раз пройтись по отцу и его проклятым генам стройности, которые я унаследовала. Одержимость калориями не продлилась бы долго. Мама поняла бы, что в четвертом размере она так же несчастлива, как и в восьмом, и тогда переключилась бы на что-то другое.

Вернувшись в свою комнату, я достала из кармана телефон и посмотрела на фотографию, которую сама себе прислала с трубки Адама. Я попыталась представить себе, что подумала его мама, когда увидела это. Фотография удачная, ничего не скажешь. Я выглядела счастливой, и мои губы не кривились, как иногда бывало, слишком обнажая десны. Солнце светило под правильным углом, окрашивая мои каштановые волосы золотом и играя желто-красными оттенками последних дубовых листьев на дереве позади нас.

Но я недолго разглядывала себя, и мама Адама, наверное, тоже не стала бы уделять мне чересчур много внимания. Мой взгляд изучал его: рыжеватые волосы падали ему на лоб, а глаза светились, но не для камеры, а для меня. Это потому, что я удивила его, наклонившись и украдкой сфотографировав, но любой другой посмотрел бы на этот снимок и позавидовал мне. Не потому, что Адам был Адонисом или кем-то в этом роде – хотя мне очень нравилась его квадратная челюсть, – а потому, что выражение его лица, его глаза – все в нем говорило о том, что он смотрит на что-то прекрасное.

С укоризненным вздохом, адресованным исключительно самой себе, я швырнула телефон на подушку и наклонилась, чтобы распаковать камеру и ноутбук, пока не разбирая остальные пожитки, которые вынужденно таскала взад-вперед между домами моих родителей. Я дер-

жала самые необходимые вещи в обоих местах, но у меня была единственная, затертая чуть ли не до дыр футболка с лого *Клуб «Завтрак»*⁶, в которой я любила спать.

Открыв ноутбук и Final Cut Pro⁷, я пересмотрела видео с Адамом и мной, которое загрузила накануне. Ни один из кадров не запечатлел тот волшебный миг, что поймала камера мобильного телефона, поэтому я загрузила и это изображение. Мои проекты всегда начинались одинаково: со случайных кадров, сваленных в кучу, пока постепенно история, которую я хотела рассказать, не обретала форму. Мой кумир, Сьюзан Сильвер, описывала свой режиссерский процесс примерно так же. Отснятые кадры по-прежнему оставались для меня загадкой, но я знала, что история обязательно сложится.

Я уже закрывала ноутбук, когда зажужжал мой телефон и на экране появилось сообщение от папы. Внутри у меня все сжалось еще до того, как я его прочитала.

Напряженные выходные. Ты понимаешь. Шелли сказала, все прошло хорошо. В следующий раз поужинаем вместе. Обещаю.

Пальцы стали ледяными, когда я вцепилась в телефон. *Да, конечно, поужинаем.* Я едва могла вспомнить, когда видела его последний раз, не говоря уже о том, чтобы посидеть с ним за столом. Может, в мой прошлый день рождения? Из чистого любопытства я пролистала его недавние полдюжины сообщений. Везде повторялось практически одно и то же. Пара из них и вовсе выглядели так, словно их тупо скопировали. Интересно, неужели он думает, что я настолько глупа, чтобы этого не заметить, или ему просто все равно? В животе все ту же затягивался узел.

Я ничего не ответила. Я никогда не отвечала ему.

При желании я могла бы положить конец его родительской «удаленке». Одно слово маме или ее адвокату – и уик-энды без отца прекратятся... пока его адвокат не найдет что-нибудь новое на маму. И так до бесконечности.

Нет уж, спасибо.

Да и потом, разве эта история лучше той, что я уже пережила?

Чьи-то руки разбудили меня, прервав мой сон, где я была Тарзаном. В короткое мгновение замешательства сон и реальность сошлись, а потом виноградная лоза, на которой я раскачивалась, вырвалась из моей хватки.

– Джолин. Джолин! Просыпайся!

Мои лозы – или простыни, как я увидела их приоткрытыми глазами, – сбились в изножье кровати, и мама склонилась надо мной.

– Вот и хорошо. Ты проснулась. – Она улыбнулась, показывая крупным планом идеальные белые зубы.

Мамино заявление о том, что я проснулась, было не совсем правдой. Мои глаза еще слипались, и тело заплеталось вокруг уже не существующей виноградной лозы/простыни. По правде говоря, я почти не двигалась, разве что невольно скатилась к ней, когда она уселась на матрас рядом со мной.

– Ты ведь не принимаешь наркотики, правда? – Большим пальцем она приподняла мое веко, и я зашипела и отпрянула, как вампир, столкнувшийся с солнечным светом.

Ее руки снова легли на меня, и опять началась тряска.

– Я хотела тебя увидеть. Неужели трудно было дождаться меня?

Один глаз открылся, и я взглянула на нее.

– Который час?

⁶ Американская подростковая комедия-драма 1985 года режиссера и автора сценария Джона Хьюза.

⁷ Профессиональный видеоредактор для операционной системы macOS от Apple.

– Начало третьего, – ответила она без тени раскаяния.

– Тогда – да.

Мама сидела на кровати вся такая чопорная и правильная; ее гладкие, сияющие каштановые волосы струились по плечам. Вырез коротенького топа, правда, был низковат, и я видела очертания ее грудной клетки, помимо мускулистых смуглых предплечий. Неужели за последние два дня она еще больше отощала? Мои глаза говорили «да».

Ее карие глаза блестели слишком ярко, но даже без этой визуальной подсказки я почувствовала запах алкоголя и схватилась за угол подушки. Эти ночные разговоры обычно случались только после небольшой помощи от «Капитана Моргана»⁸ и никогда не предвещали ничего хорошего.

Она всегда начинала с одного и того же вопроса:

– Как поживает твой отец?

– Прекрасно.

– А разрушительница домашнего очага?

– Мам.

– Что мам? Разве я не имею права спросить о женщине, которую твой отец выбрал, чтобы вместе воспитывать тебя? Разве мне, как матери, не положено знать, насколько хорошо она к тебе относится? Разве...

– С ней все в порядке. Все хорошо. Никто меня не бил, не морил голодом и не заставлял вступать в секту. Нет, папа не упоминал о тебе. Нет, у меня не было ощущения, что они с Шелли расстанутся. Нет, я не нашла тайного мешка с деньгами, помеченного «Спрятать от Хелен». Я вообще ничего не знаю. Я никогда ничего не знаю. А теперь я могу снова заснуть?

Но мне это не удалось. Потому что она разревелась. И мне пришлось ее обнять. Потому что она никогда не обнимала меня.

– Том говорит, что я должна получать больше денег.

– Кто такой Том? – спросила я через несколько минут, уже с мокрым от слез плечом.

– Том. Ты знаешь Тома.

Я не знала никакого Тома.

– Я встретила его в спортзале, и он сказал, что Роберт ни за что не раскроет все свои активы. – Она подняла голову, и после того как я перестала разглядывать потеки туши на ее лице, до меня дошло, что она смотрит на меня так, будто ждет ответа.

Я вздохнула и опустила руки. Хотя бы раз она разбудила меня, потому что на самом деле соскучилась по мне, а не ради очередной разборки на почве чувства вины. Я почти не сомневалась в том, что отец уводит какие-то деньги на счет, открытый на имя Шелли. Мама тоже так думала, но до сих пор ей не удалось это доказать. Ее попытки заставить меня шпионить для нее провалились. Какая мне разница, кто из них будет шиковать на отцовские деньги? Пока продолжалась эта свистопляска, никому из них такое счастье не светило.

Все это мелочи жизни.

– Я же сказала тебе, что ничего не знаю ни о каких деньгах.

Мама фыркнула и отпрянула.

– Он где-то прячет их. Ты знаешь, что я права. – Она поводила пальцем у меня перед носом, и я отмахнулась. – А с чего бы этой шлюхе оставаться с ним?

Я уже давно не думала, что кто-то из моих родителей особенно привлекателен, поэтому промолчала.

Мама положила голову мне на плечо.

– А ты не могла бы просто...

⁸ Captain Morgan – марка рома, производимая британским алкогольным конгломератом Diageo. Названа по имени пресловутого валлийского пирата, английского капера (англ.).

– Нет. – Я крепче сжала подушку и ссутулилась, чтобы сбросить мамину голову с плеча. Она пыталась играть в милую, ласковую маму, но мое сердце разрывалось от этой фальши. – Я не собираюсь рыться в его вещах. Сколько раз я должна это повторять?

Она оторвалась от моего плеча.

– Полагаю, ты хочешь, чтобы я осталась без крыши над головой.

– У тебя огромный дом.

– А если он заявит, что должен платить меньше? Тогда я могу потерять все.

– Мам, перестань. Ты переживаешь из-за пустяков.

– Может, потому, что я единственная, кто останется бездомной? – Она издала гортанный звук, напоминающий издевательскую усмешку. – Ты ускачешь к своему отцу, как это делаешь каждый второй уик-энд...

– Я, как известно, обожаю кочевать. – Я воздержалась от комментариев по поводу графика посещений, потому что мама знала – по крайней мере, трезвая знала, – что меня лишили права голоса в этом соглашении.

– ...и я окажусь в какой-нибудь подворотне, где буду торговать собой за наркотики.

Я не смогла удержаться от смеха.

– При таком раскладе ты довольно быстро превратишься в шлюху-наркоманку.

Меня бросило в жар, когда она вlepила мне пощечину.

– О! – Обеими руками она прикрыла рот. – Джолин. Дорогая, я не хотела. Моя Джолин. – Она кинулась обнимать меня, укачивая и успокаивая, как будто это я плакала. Но я не плакала. Никогда себе этого не позволяла. Сердце билось неровно, лицо саднило, но глаза оставались сухими. – Ты – единственное хорошее, что есть в моей жизни, ты знаешь об этом? Я так тебя люблю, так люблю, так... – Наконец она уложила меня в постель, подтянула сбившиеся простыни и укрыла меня одеялом.

Перед тем как уйти, она поцеловала меня в щеку, по которой до этого ударила.

Адам

Я ждал в машине, пока Джереми и папа обнимались на прощание. Сам я отказался от прощальных объятий, ограничившись скупым: «Пока». В результате мы с Джереми не разговаривали всю дорогу до дома. Поездка заняла полчаса, так что молчание потребовало от нас обоих немалых усилий.

Джереми свернул с шоссе, и даже с закрытыми глазами – по хрусту колес и тряске – я догадался, что мы приехали. В поле зрения показалась гравийная дорога, тянувшаяся на полмили до самых ворот, и мама стремительно спустилась с крыльца. Ее короткие, до подбородка, золотисто-каштановые волосы разметались вокруг светлого овала лица.

Я позволил маме обнять меня так крепко, как ей хотелось. Следом за мной Джереми послушно обнял ее и, как положено, поцеловал в щеку. Она вцепилась в наши руки и впиалась в нас зелено-голубыми глазами, слишком воспаленными, чтобы мы могли купиться на ее улыбку.

– Вы стали выше ростом. Клянусь, вы оба подросли.

– Мам, не подавай Джереми пустых надежд. К тому же коротышки ничем не хуже других.

Джереми выругался на меня прямо перед мамой, но она не стала его отчитывать. И это не дало разгореться той вражде, что вечно вспыхивала между нами двумя.

– Кто голодный? Я приготовила жареную курицу, а на десерт – яблочный пирог. – Мы оба охотно откликнулись и, пропуская ее вперед, зашли в дом, обменявшись взглядами. Никаких улыбок и беззвучных слов, но я знал, что мы оба сделаем все возможное, чтобы заставить ее забыть о том, что она провела выходные в одиночестве. Джереми воздерживался от того, чтобы

возлагать вину на кого-либо из наших родителей, и пусть бы он оставался «и вашим и нашим» – сейчас я большего от него не требовал.

Спустя час мама притворно ужаснулась, увидев, что мы с Джереми умяли весь пирог.

– Есть еще? – спросил я. Тогда она действительно не на шутку перепугалась, но, вероятно, больше из-за угрызений совести, потому что не испекла второй пирог на всякий случай. – Мам, шучу. Если серьезно, из меня уже обратно все лезет. Это не шутка. Я бы остановился после пары кусков, но, когда Джереми потянулся за третьим и последующими, у меня включился комплекс неполноценности младшего брата.

– Я могу испечь еще один. – Она уже отодвинула стул, чтобы выйти из-за стола, но я остановил ее, положив руку ей на запястье.

– Мам. Сиди. Не такой уж он и вкусный.

Мама выдохнула, но это перешло в смех.

– Я знаю, ты нарочно дразнишь меня. Сам уминал за обе щеки.

– Тот, последний кусок я съел чисто из жалости. Пирог ужасный. Терпеть не могу яблоки.

Мама снова засмеялась, еще более искренне.

– Мне понравилось, – сказал Джереми, и мама потянулась через стол, чтобы похлопать его по руке.

– Спасибо тебе, милый.

Мама попыталась прогнать нас, чтобы мы распаковали вещи, пока она моет посуду, но я задержался на кухне после ухода Джереми.

– Мам?

Она стояла у раковины, ополаскивая тарелки и загружая их в посудомоечную машину. Она посмотрела на меня через плечо.

– Передумал насчет пирога?

Я взял у нее только что очищенную тарелку и поставил ее в посудомоечную машину.

– Я рад, что вернулся домой, вот и все.

Она все крутила в руках другую тарелку под краном.

– И я тоже. Я... я не думала, что это будет так трудно. Сколько матерей хотели бы проводить по несколько дней в одиночестве? В следующий раз мне будет легче. Я придумаю, чем себя занять, и время пролетит быстрее. – Она кивнула мне и наконец оставила тарелку в покое. – С отцом все в порядке?

– Наверное, в порядке. – Я мог бы добавить, что на самом деле не знаю, потому что мы почти не разговаривали весь уик-энд, но тогда она терзалась бы чувством вины. Вместо этого я поднял тему, которая так хорошо послужила мне в прошлый раз и помогла поднять ей настроение: – Ты получила фотографию?

– Так вот что это было? Мой телефон чирикнул, и я никак не могла понять, что мне дальше делать. – Мама воспитывалась в среде меннонитов⁹ и, даже будучи взрослой, не спешила осваивать современные технологии. Она насухо вытерла руки полотенцем и принесла из соседней комнаты сумочку. Протягивая мне телефон, она уже улыбалась.

– Прежде чем у тебя появятся какие-то идеи, пожалуйста, помни, что я только что познакомился с этой девушкой.

– Адам, я знаю. – Она старалась говорить спокойно, но чуть ли не подпрыгивала от нетерпения, что разрушало эффект. Моя затея могла обернуться либо самым умным, либо самым глупым поступком, который я когда-либо совершал. Думая о Джолин, я решил, что это, вероятно, и то и другое.

⁹ Меннониты – последователи протестантского учения, которое появилось в Нидерландах в первой половине XVI века. Следуя одному из главных правил общины, меннониты не признают технический прогресс и отказываются от современных технологий.

Я вывел на экран фотографию, стараясь не задерживаться на ней взглядом. Судя по выражению лица мамы, я катастрофически недооценил то воздействие, которое окажет фотография. Мамина улыбка, только что широкая и яркая, потускнела у меня на глазах.

– Мам? – Когда я попытался забрать у нее телефон, она схватила меня за запястье и издала звук, похожий на крик раненого животного.

– Извини, извини. – Она уткнулась в телефон, и я смотрел, как ее взгляд скользит по экрану. – Она очень хорошенькая, Адам. – А потом она снова сунула трубку мне. – В следующий раз сделай для меня еще одну фотографию, ладно? – Когда я кивнул, она улыбнулась. – Наверное, стряпня меня утомила. Сегодня я собираюсь пораньше лечь спать. – Она коснулась поцелуем моей щеки. – Рада, что ты дома.

Когда она ушла, я посмотрел на телефон в своей руке, и мне потребовалась всего секунда, чтобы понять, что я пропустил раньше. Ее реакция не имела никакого отношения ни к Джолин, ни к нам двоим. Просто на этой поспешно сделанной фотографии я выглядел точной копией моего покойного брата.

Грега.

Второй уик-энд 9–10 октября

Джолин

Есть такой известный научно-фантастический фильм 1950-х годов об инопланетянах, захватывающих Землю, только люди не догадываются об этом вторжении, потому что пришельцы похищают людей и заменяют их братьями по разуму, которые выглядят точно так же. Там еще что-то про капсулы. Наверное, мне стоило бы выбрать время и посмотреть этот фильм, хоть я и не фанат научной фантастики, снятой до 1970-х годов.

И все же было бы полезно узнать, как люди победили инопланетян в том фильме – ведь они победили, не так ли? – потому что я была уверена на девяносто шесть процентов, что один из пришельцев поселился у меня на кухне.

Он выглядел в точности как моя мать. Оливковая кожа, гладкий темный пучок, руки «Сары Коннер из “Терминатора-2”». Но инопланетянка допустила одну роковую ошибку – нацепила фартук.

– Попробуй сказать мне, что ты пришла с миром.

– Ради всего святого, Джолин, у меня чуть сердечный приступ не случился. – Моя мать, инопланетянка, отмахнулась от меня и снова склонилась над гигантской кастрюлей, стоявшей на плите.

Держась по периметру кухни, я придвинулась ближе, пока не добралась до раковины на рабочей поверхности «островка». Я смочила пальцы водой и стряхнула капли на нее.

– Прекрати, Джолин. Что с тобой сегодня?

– Хм, значит, ты тоже видела «Знаки»¹⁰. Я всегда думала, что пришельцы с их водобоязнью, прибывающие на планету, которая на две трети покрыта этим веществом, слишком глупы, чтобы выжить в таких условиях.

– Так вот ты о чем? Ты видишь во мне И-Ти?¹¹

– Скорее королеву из фильмов «Чужой». – Я выудила из ящика стола зажигалку для свечей и щелкнула ею, выбивая пламя. – А я – Эллен Рипли¹².

– Ты смотришь слишком много фильмов.

– Кто-то же должен меня воспитывать.

Моя мать, инопланетянка, помолчала, а потом повернулась ко мне.

– Обидно, когда ты говоришь такие вещи.

В другой жизни, в другом фильме эта нотка боли в ее голосе заставила бы меня остановиться. Но все это не напоминало умильную сцену, в которой мать и дочь сначала ругаются, а потом одна из них разряжает обстановку, обсыпая другую пригоршней муки, и ссора перерастает в веселую кулинарную бойню с нежным примирением в финале. Мы с мамой никогда не дотягивали до хеппи-энда, и, если у меня и оставались какие-то сомнения относительно ее мотивов в тот день, коричневая стеклянная бутылочка, которую она тайком пыталась засунуть в карман фартука, избавила меня от них. В животе поселился знакомый холод. Эта бутылка явно не из кухни.

¹⁰ Американский фантастический триллер 2002 года с комедийными и драматическими элементами.

¹¹ Центральный персонаж фантастического фильма «Инопланетянин» (1982), режиссер С. Спилберг. Трогательное и беззащитное существо с огромными глазами и очень длинной шеей, которое случайно осталось на Земле, когда его «летающая тарелка» вынуждена была улететь.

¹² Главная героиня серии фильмов «Чужой».

Я открыла рот, потом закрыла и снова открыла.

– Извини.

– Как дела в школе? Футбольная тренировка?

– Поучительно, как всегда. – Ладони взмокли, когда я уставилась на выпуклость в кармане ее фартука. – Как у тебя... Ты опять за свое?

Моя мать-инопланетянка пропустила вопрос мимо ушей.

– Ты голодная?

Все сжалось у меня внутри.

– Неправильно. Моя мать никогда бы не задала такой вопрос. И у нее нет фартука.

– Вообще-то фартук у нее имеется. И она стряпала еще до твоего рождения. Во всяком случае, некоторые блюда.

– Я тебе не верю.

Она вынула ложку из кастрюли и протянула мне, чтобы я попробовала.

Я с опаской посмотрела на суп. Как и моя мать инопланетянка, он выглядел совершенно безобидным снаружи, но я-то знала, что это лишь видимость.

Ее рука задрожала, когда я не ответила.

– Это минестроне¹³. Я приготовила его для тебя.

– Сначала ты.

Ложка с грохотом упала на рабочий стол, и кипящая оранжевая жидкость расплескалась во все стороны.

– Проклятье, – прошептала она. И тут же хлынули слезы. – Почему ты не можешь быть доброй и открытой? Почему не можешь улыбнуться и съесть тарелку супа? *Черт возьми.*

Я дрожала всем телом, наблюдая за ней. Откуда мне знать, что она положила в этот суп? Логично предположить, что мое состояние после еды будет оцениваться как нечто среднее между «слишком больна, чтобы ехать к отцу» и «не настолько больна, чтобы мчаться в больницу». Она проделывала такое раньше – не часто, но этого хватило, чтобы я больше не ела ничего из ее стряпни перед отъездом к отцу на выходные.

– Ты обожгла себе руку.

– Я знаю. – Красные рубцы поднимались вдоль костяшек пальцев и тянулись к самому запястью. – Это просто суп, Джолин.

Никогда ничего не бывало просто чем-то.

– Теперь все труды насмарку. – Она подняла огромную кастрюлю с супом, которого хватило бы, чтобы накормить дюжину человек, и вылила содержимое в раковину. Крошечные овощи и половинки макарон засорили слив, не давая оранжевому бульону стекать быстро. Она повернулась ко мне, опускаясь на пол. – Почему бы тебе не поесть суп?

Живот скрутило так, словно я его уже отведала.

– Ты никогда не варила мне суп. Ты никогда ничего для меня не готовила.

– Я не инопланетянка.

Но другого объяснения я не находила; моя реальная мать никогда не крутилась на кухне.

– Именно так и сказал бы инопланетянин.

Все еще в слезах, она улыбнулась мне:

– Умница.

Прошло несколько минут, но из моей груди больше ничего не вырвалось. Из ее груди тоже. Суп все еще наполнял раковину. Мама по-прежнему сидела на полу – вернее, снова на полу, на этот раз в обнимку со стаканом, наполненным янтарной жидкостью, который подносила к губам.

Я обхватила себя руками.

¹³ Блюдо итальянской кухни, легкий суп из сезонных овощей, иногда с добавлением макарон или риса.

– Ты же должна отвезти меня к отцу.

Долгий глоток был ее ответом.

– Я не сяду с тобой в машину, и у меня нет времени идти пешком.

Отцовская квартира находилась всего в десяти минутах езды от нашего дома, но добираться туда пешком пришлось бы гораздо дольше.

Она восприняла это замечание как тост.

Я опустила на пол напротив нее, и мой голос дрогнул, когда я заговорила.

– Зачем ты это делаешь?

Вопрос так и остался открытым – на меня устремился безучастный взгляд, пока стакан не опустел и не наполнился снова. Смакуя вторую дозу, она остановилась и нежно провела пальцами по рубцам на своей руке.

– Иногда я думаю... была бы я до сих пор замужем, если бы у меня не появилась ты?

Если бы так сказала моя мать, меня бы это более чем покорило. Я посмотрела на инопланетянку.

– А разве папа изменял тебе до того, как ты родила меня?

Инопланетянка уставилась в пустоту.

– Он всегда мне изменял. – Затем ее взгляд переместился на меня и дорожную сумку, которая все еще висела у меня на плече. – Иди и убери это.

Я медленно закрыла глаза и тут же снова их распахнула.

– Ты же знаешь, что я не могу.

– Джолин. Не спорь со мной сегодня.

– Я должна быть в квартире отца к шести часам.

– Это мои выходные.

Даже если она вдруг забыла – чего с ней никогда не бывало, – папин адвокат наверняка уже позвонил и напомнил ей, что, без сомнения, и вызвало демонстрацию домашнего ужасика с супом. Ярко-красные рубцы на ее запястье и руке явно причиняли ей боль. Даже трезвой ей было бы трудно вести машину. У меня возникло подозрение, что она это знала и, возможно, намеренно ошпарила себя, с одной-единственной целью.

Я подтянула колени к груди.

– Когда ты борешься с этим, всегда получается еще хуже.

Мой телефон зазвонил прежде, чем она успела ответить. Мы обе знали, что это папин адвокат, еще до того, как я посмотрела на экран.

– Здравствуйте, мистер Кантос. Да, я знаю, что это выходные у отца... Она здесь... – Я взглянула на инопланетянку, которая смотрела прямо перед собой, осушая второй стакан. – К сожалению, она не сможет меня подвезти.

Легкая улыбка заиграла на ее губах.

– Я вызову Uber, но могу немного опоздать... Нет, в этом нет необходимости... – От ужаса мой голос повысился на октаву. – Я действительно не думаю... мистер Кантос... – Я отвернулась и попыталась говорить шепотом, чтобы не услышала инопланетянка. – ...Все мы знаем, что бывает, когда они приближаются друг к другу. – Я прикусила внутреннюю сторону щеки и осторожно подбирала слова, чтобы не ляпнуть чего-нибудь такого, что потом навлекло бы на меня неприятности. – Уверена, вы понимаете. – Я закончила разговор и уставилась прямо перед собой, как моя мать-инопланетянка.

За мной должна была приехать Шелли.

Адам

Это казалось невозможным, но папина квартира выглядела хуже, когда я увидел ее во второй раз. Конечно, я знал, что ремонтом он занимается, но все еще чувствовал мамины пальцы,

вцепившиеся в мою рубашку, когда она обняла меня перед отъездом, и ощущал ее дрожь, которая передалась мне, когда она заставила себя отлепиться.

Так что да. Все выглядело хуже.

– Да ладно тебе, старик. – В голосе Джереми не угадывалось ни капли недовольства. Хотя мама цеплялась и за него. – Мы позвоним ей после ужина. Завтра и в воскресенье тоже. – Он закинул обе наши сумки в багажник и захлопнул крышку. Прямо-таки Эверест добродушия этот наш Джереми.

Два года назад я бы оценил этот жест.

Два года назад Грег не только сгладил бы острые углы, но и заставил бы нас вовсе забыть об их существовании.

Два года назад отец еще не съехал от нас и я не стоял на изрытой выбоинами парковке, в то время как моя мама проводила очередной уик-энд без сыновей. Я уже приготовился оглушительно хлопнуть дверцей машины, чтобы вконец разозлить Джереми, когда меня опередили – кто-то зверски хлопнул дверцей другой машины.

– Джолин! Я еще не закончила с тобой разговор!

Я оглянулся и увидел, как Джолин отходит от красной спортивной машины – с сумкой на одном плече и косой, перекинутой через другое плечо. Она повернулась, пятясь, чтобы ответить Шелли, которая стояла у распахнутой дверцы своей машины.

– Но тебе давно пора его закончить.

Шелли с таким же остервенением захлопнула свою дверцу.

– Я не виновата в том, что твоя мать швырнула мне в голову стакан.

Я почувствовал, как у меня округлились глаза, и взглянул на Джереми. Тот тоже, похоже, ошалел.

– Нет, но ты должна была сидеть в машине, – произнесла Джолин, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – С запертыми дверями и работающим двигателем. Вот что от тебя требовалось.

– Мы договаривались, что ты будешь ждать меня на улице.

Джолин остановилась. Она даже сделала несколько шагов в сторону Шелли, и я обратил внимание на ее растрепанную косу.

– Но ты ведь не хочешь знать, почему меня там не было? Ты не хочешь знать, что она напилась и повалила меня на пол, когда раздался звонок в дверь, или что до этого она пыталась отравить меня, чтобы я осталась в постели на выходные. Ты не захочешь ничего этого знать, потому что не можешь рассказать моему отцу или его адвокату, иначе суд решит, что мне лучше жить здесь постоянно.

Мы с Джереми оба повернули головы в сторону Шелли и увидели, как на ее лице сменилось несколько оттенков красного, прежде чем она отвела взгляд.

– То-то и оно. – Джолин отвернулась и зашагала к дому. – Вот почему тебе пора заткнуться. – Она рывком распахнула дверь и тут наконец увидела нас с Джереми. Надо отдать ей должное, выражение ее лица ничуть не изменилось. Она удерживала мой взгляд достаточно долго, чтобы у меня запыхало лицо и шея, после чего вошла внутрь. Мгновение спустя Шелли проскользнула вслед за ней.

– Все еще хочешь жаловаться на жизнь? – спросил Джереми и, задев меня плечом, направился к дому.

Я замер на пороге, уставившись на нее и гадая, не галлюцинация ли это. Голоса папы и Джереми вывели меня из ступора и заставили шагнуть в комнату. Я закрыл за собой дверь и запер ее на замок.

– Что ты здесь делаешь? Как ты вообще сюда попала?

Она, следуя моему примеру, понизила голос:

– Я переняла твою технику лазания по балконам. Хотя, скажу тебе, это гораздо труднее без преимущества в росте. Да и мокрый металл очень скользкий. Ты это знал?

Я едва заметно покачал головой.

– Подожди, давай начнем со «что».

– Что я здесь делаю? – Она жестом обвела кровать. – В твоей комнате?

В подтверждение я широко распахнул глаза, прежде чем метнуться взглядом к двери, которую фактически забаррикадировал своим телом. Если бы папа или Джереми услышали ее... Впрочем, Джереми уже ее слышал – мы оба слышали – там, на парковке. Когда она выкрикивала какие-то странные вещи о своей маме. Мой взгляд медленно скользнул по ней. Я еще раньше заметил ее небрежно заплетенную косу, но вблизи увидел торчащие во все стороны спутанные пряди, как и порванные на одной коленке джинсы – что не выглядело как дизайнерский замысел. Довершала картину царапина на щеке.

– Это все твоя мама? – спросил я, не в силах скрыть беспокойство в своем голосе.

– Что? – Она окинула себя взглядом и чуть не рассмеялась. – Ах это. Нет. Волосы растрепались от ветра, который так и норовил сбросить меня с крыши, пока я перелезала через перила, царапина – от слишком тесного контакта со стеной, а джинсы я порвала, когда приземлилась на твой балкон. Хотя в целом вышло изящно.

Я не очень-то ей поверил, но, прежде чем успел спросить что-нибудь еще, в дверь забарабанили кулаком.

– Адам. Выходи. Мы едем ужинать.

Я посмотрел на дверь, потом перевел взгляд на Джолин. Стук продолжался.

– Эй, открывай. Пойдем.

Она вскинула брови, словно ей было любопытно, как я выйду из положения, скрывая у себя в комнате девушку, в то время как отец и брат стоят за дверью. Учитывая, что она рисковала гораздо большим, чем просто сломанной ногой, перелезая на мой балкон, самое малое, что я мог сделать, – это послать брата куда подальше.

– Не могу. Меня тошнит. – Я расправил плечи, шагнул к двери и повернулся к Джолин вполоборота.

– Ты просто мелкий... – Ручка задребезжала, когда Джереми попытался силой открыть дверь. Отец спросил, в чем дело, и стук прекратился. – Все в порядке. Но Адама тошнит. Надо было остановиться где-нибудь по дороге, чтобы его вырвало.

Дверную ручку снова дернули, на этот раз более деликатно.

– Адам, с тобой все в порядке? Тебе что-нибудь нужно?

За меня ответил Джереми:

– Он в порядке. Пусть остается и отоспится.

Послышался разговор, но я особо не вслушивался. Все кончилось тем, что Джереми убедил папу уйти и оставить меня в покое.

– Мы тебе что-нибудь привезем, если потом тебе станет лучше, – сказал папа. – У тебя есть мой сотовый. – Входная дверь открылась и закрылась через минуту.

– Тебя ведь не тошнит на самом деле? – спросила она, пристально глядя на меня.

– Нет, это мой обычный цвет кожи. Я бледнолицый.

– Так я могу побыть у тебя немного? Не всю ночь, конечно, только до тех пор, пока Шелли не заснет?

– Да. – Я уселся в изножье кровати, довольный собой. Надо же, так легко избавился от Джереми и папы! – Оставайся сколько захочешь.

Она лучезарно улыбнулась мне и, когда я почувствовал, что снова начинаю краснеть, сжалась надо мной и окинула взглядом комнату.

– Все очень даже мило. Похоже на номер в дешевом мотеле из ужастиков с резней. – Ее брови взметнулись. – В общем, уютненько.

Я огляделся. Пожалуй, это похоже на правду.

– Не расстраивайся ты так. Твоя квартира могла быть залита кровью, и я все равно нашла бы ее гораздо более привлекательной, чем моя хибара.

– Из-за Шелли? – спросил я, и мой взгляд упал на картинку с яблоневым садом над кроватью.

– Ну не умен ли ты?

Я вовсе не чувствовал себя умным. Меня как будто... загипнотизировали. С тех пор как я переступил порог, мне удавалось отвлечься от нее лишь на несколько секунд. Она приковывала к себе мое внимание, даже не прилагая к этому усилий. К тому же она много говорила. Ее голос становился немного сдавленным, когда ей не хватало воздуха, но она успевала выпалить еще одну-две фразы, прежде чем сделать глубокий вдох и продолжить. Шелли тоже поражала меня этим, но ее непрерывная болтовня казалась удушающей. Напротив, многословность Джолин меня совсем не утомляла.

Она бродила по комнате, заглядывая в ящики комода и в шкаф. Все мои вещи лежали в сумке, так что я не возражал.

– Хочешь, я помогу тебе распаковать вещи?

– Зачем?

– Ты не собираешься их выгружать?

– Не планировал.

Джолин примостилась на углу кровати. Ее каштановые волосы были настолько длинными, что она практически сидела на них. Я никогда еще не видел таких волос в реальной жизни.

– Хочешь дам совет? Как товарищ по несчастью, ребенок разведенных родителей? – Она тут же вскинула руки, когда я попытался возразить. – Извини, как ребенок разведенных ребенку раздельно проживающих родителей. – По ее тону можно было догадаться, что она считает это различие формальностью. Я почувствовал, что во мне пробуждается злость, знакомая мне по первой нашей встрече. – Не трать энергию на пустяки.

– Пустяки?

– Да, ты знаешь, все эти мелкие акты бунта вроде жизни на чемоданах и...

– Курения?

Ее губы дернулись, и она сдержала улыбку, столь неуловимым движением мгновенно остудив мой гнев.

– Ладно, да, и курение тоже. Хотя в свою защиту могу сказать, что я вынуждена прибегать к средствам, которые напоминают обо мне даже в мое отсутствие, поскольку я почти не видела отца в течение нескольких месяцев. В последний раз, когда он стоял у моей двери и умолял меня пойти с ним поужинать... – она жестом показала на мою дверь, – это было... о, никогда.

– Seriously?

– Нет, – ответила она, теребя свою косу. – Я все это выдумываю, чтобы ты меня пожалел.

И зачем она это говорит?

– Мне жаль.

– Не будем о нем. Давай лучше поболтаем о тебе. – Она снова вскарабкалась на колени, перекинула косу через плечо и стала расплетать пальцами спутанные пряди. – Ты так и не сказал мне, что твоя мама думает о нашей фотке. Понравилась, да?

Я недоуменно заморгал. Мне снова вспомнилась мама на кухне и выражение ее лица, когда я показал ей фотографию. С того момента я смотрел на фото глазами матери и видел на ней Грега.

– Дай-ка угадаю. – Джолин перекаtilась на живот и свесилась через край, выискивая что-то под кроватью, так что ее невероятно длинные волосы растеклись по полу. – Она считает, что я слишком симпатичная для тебя. Не расстраивайся, – добавила она. – Когда вый-

дешь из лопоухого возраста, ты станешь невыносимо милым. – Тут она подняла глаза и увидела мое лицо – пылающее, но не от ее поддразнивания, а от мыслей о Грее. – Вау, какой ты чувствительный. – Она повернулась и села лицом ко мне, откинув волосы с глаз. – Я просто подкалываю тебя. И даже если не так, ты и сейчас сносно милый, Адам. Сносно – это, считай, милый. К тому же мне нравятся твои уши. Они у тебя первыми загораются, как светящийся нос Рудольфа¹⁴, когда ты смущаешься.

Словно по команде, кровь прилила к моим ушам.

– Честно говоря, более чем сносно милый, но ты, вероятно, и сам это знаешь. Слушай, так вот почему ты так сильно краснеешь? А ты можешь использовать это как суперсилу флирта?

Своей неугомонной болтовней она буквально оттащила меня от края пропасти, даже не догадываясь о том, где я оказался и почему. Печаль, таившаяся в глубине моего сознания, когда я думал о Грее, отступила, когда щербатая улыбка Джолин затмила собой весь мир и заставила меня улыбнуться. И она еще думала, что это я обладаю сверхспособностями.

– Ну, так как? Как твоей маме фотография?

Оправившись от первоначального потрясения, мама довольно долго разглядывала портрет, после чего заметила, что Джолин очень симпатичная. И с этим не поспоришь. Оба раза, когда мы виделись в прошлые выходные, я обращал внимание только на ее косу, но теперь рассмотрел и сами волосы, густые и слегка волнистые. Красивые. И улыбалась она тоже красиво. Ее верхняя губа была чуть тоньше нижней, а подбородок немного заострен, и улыбка делала ее похожей на эльфа или другое сказочное существо. Озорное, склонное к чему-то опасному.

Я не думал, что мама смотрела на ту фотографию и видела что-то помимо Грея. Но она попросила сделать для нее еще одну фотку, и я не мог ей отказать, понимая, что маме нужно за что-то цепляться, когда нас с Джереми нет рядом, пусть даже это всего лишь картинка.

– Ей понравилось, – сказал я. – Так что да, миссия выполнена. И она ждет еще одну фотографию, если ты не против.

– Ну, не знаю. Ты опять будешь злиться на меня?

– Пока ты не лобызаешь меня в кадре, думаю, обойдется без скандала.

Джолин несколько раз постучала себя указательным пальцем по подбородку.

– Хм. Обычно я не люблю работать с такого рода творческими ограничениями, но если ты настаиваешь... – Она на коленях проползла ко мне через кровать и протянула руку. – Адам, как там тебя, думаю, это начало прекрасной дружбы.

Я бы назвал это началом просто чего-то.

Джолин

В субботу, когда я проснулась и выглянула в окно, мне открылась сверкающая белоснежная страна чудес – зрелище невероятно редкое для начала октября. Улицы еще не чистили, и машины внизу выглядели пушистыми белыми шарами. Впервые с тех пор, как начались мои выходные у отца, я не сразу натянула одеяло на голову в надежде сократить день, проспав как можно дольше. Какое странное ощущение, когда пробуждение одаривает не привычной хандрой, а бурей эмоций, не говоря уже о мурашках предвкушения. Идеи плясали в голове, когда я спрыгнула с кровати и снова подбежала к окну. Я схватила камеру и запечатлела туман моего дыхания на стекле, а потом нарисовала улыбающееся солнце высоко в углу.

Я замешкалась у двери, прислушиваясь. Тишина. И все же я медленно и осторожно повернула ручку. Шелли называла себя «жаворонком», но за все это время лишь пару раз

¹⁴ Рудольф, красноносый северный олень – персонаж литературы и кинематографа, которого отличает от его сородичей красный светящийся нос.

встала раньше меня. Не то чтобы я горела желанием состязаться с ней. Я пробежалась глазами по гостиной, прежде чем распахнула свою дверь.

На цыпочках я поплелась на кухню, соорудила себе завтрак и даже обыскала овощной ящик Шелли: мне кое-что оттуда понадобилось для осуществления моих планов на день. Экипировавшись по-зимнему, я тихонько, как ниндзя, проскользнула в коридор, развлекаясь тем, что представляла себя в боевике в стиле Джона Ву¹⁵: прижимаясь к стене, пробираясь боком к квартире Адама. Я едва удержалась от попытки исполнить виртуозный номер паркура¹⁶, который мне наверняка бы не удался, но выглядел бы так круто в серии крупных планов.

Я остановилась перед квартирой Адама и прислушалась. Он сказал, что обычно просыпается намного раньше отца и брата. Я собиралась проверить это утверждение и тихонько постучалась.

Первое, о чем я подумала, когда он открыл дверь: как несправедливо, что его укладка «только что с постели» выглядит настолько стильно, когда у меня на голове творился такой шухер, словно я спала в реактивном двигателе. А следом пришла мысль о том, что он улыбнулся, увидев меня. И от этого мне вдруг стало жарко в пальто.

– Привет, – сказал он хриплым ото сна голосом. Видимо, это первое слово, он произнес сегодня.

– Привет. – Я раскачивалась взад-вперед на носках, необъяснимо возбужденная. – У меня есть идея насчет нашей следующей фотографии для твоей мамы. Это станет одновременно и сценой для фильма, над которым я работаю, если ты не возражаешь против небольшой услуги за услугу.

Он оглядел мой прикид, включающий шарф, шапку и перчатки.

– Конечно, дай мне секунду почистить зубы и все такое, а потом я хватаю пальто, и мы идем.

Видимо, у мальчишек сборы растягиваются на целую вечность. Шли минуты, и я вздохнула, опуская сумку с камерой.

Из квартиры напротив, через одну от Адама, вышел парень лет под тридцать с редкими светлыми волосами и улыбнулся мне. Не знаю, чем это объяснить, но его улыбка меня совсем не тронула, не то что улыбка Адама.

– Привет. Не думаю, что мы встречались раньше. Я только что сюда переехал.

Я переступила с ноги на ногу, поворачиваясь к нему спиной, и вытащила свой телефон. У меня не было настроения любезничать с соседями. Ну, со всеми, кроме Адама.

– Сожалею, – пробормотала я.

Парень рассмеялся слишком громко для шутки, а я сделала вид, что отвечаю на звонок, надеясь, что он уловит намек.

Намек он понял, хотя и не сразу.

– Ладно, не отвлекаю. Надеюсь, как-нибудь поутру еще увидимся. Мы, ранние пташки, должны держаться вместе, верно?

Я вроде как кивнула и рассеянно махнула рукой в его сторону, делая вид, что увлечена разговором по телефону. После того как он ушел, мне пришлось прождать Адама еще пять минут, он появился в верблюжьем пальто с флисовым воротником. От укладки «только что с постели» не осталось и следа, зато поблескивали влажные волосы. Легкая щетинка на подбородке тоже исчезла, и теперь его кожа выглядела совершенно гладкой. Мне стало интересно – он побрился для фотографии или для меня?

Я подхватила свою сумку.

¹⁵ Китайский и американский кинорежиссер, монтажер, сценарист.

¹⁶ Искусство передвижения в пространстве с использованием только собственного тела, когда окружающие предметы (скамейки, бордюры, деревья, лестницы) воспринимаются не как преграды, а как препятствия.

– Я себя сегодня чувствую пятилетней.

– Да ладно, – произнес он с неуверенной улыбкой. – А что это значит?

Я вытащила из кармана морковку от Шелли.

– Когда ты в последний раз лепил снеговика?

– Может, в детском саду.

– Тогда мы перенесемся назад, в те времена, когда ели зубную пасту и спали по часам. – Я схватила его рукой в перчатке, отчего он округлил глаза, и потащила к лестнице. – Не то чтобы я когда-нибудь ела зубную пасту. – Я оглянулась на него через плечо. – Но ты вроде как похож на тех, кто это делал.

– Ты довольно злая для девушки, которой я позволил болтаться в своей комнате весь вечер, – сказал он, но в его голосе прозвучал намек на смех.

– Ты не отрицаешь любовь к зубной пасте.

– А что ты тогда делала в детском саду?

– Я была воришкой. Таскала все самое вкусное из ланч-боксов других детей. А потом как ни в чем не бывало разгуливала с пакетами чипсов, спрятанными в колготки. Поверь, я бы предпочла быть пожирателем зубной пасты.

– Так ты была девочкой со странностями?

– О нет, я была очень популярна. – Я ухмыльнулась ему и толкнула двойные стеклянные двери подъезда. – У меня была самая вкусная еда.

Я повела его на площадку у соседней начальной школы, огороженную невысоким забором, перепрыгнуть через который не составляло труда. Конечно, дети могли уничтожить нашего снеговика в понедельник, но мне хотелось дать ему шанс.

Я наснимала много кадров с акцентом на руках Адама, пока мы скатывали фрагменты туловища и громоздили их друг на друга, после чего отступили назад, чтобы оценить результат.

– Хм, – ухмыльнулась я.

– Да, кажется, мы что-то не то сделали.

– Или, наоборот, сделали блестяще. Смотри, он будет снеговиком средних лет с пивным животом.

– Или мы случайно поменяли местами нижнюю и среднюю части туловища.

– В любом случае я его украшу. – Я добавила нос-морковку и отыскала два камешка для глаз. Он все еще выглядел незаконченным, но поблизости не оказалось ни одного дерева с ветками, до которых мы могли бы дотянуться, поэтому я размотала свой шарф и завязала его на шею снеговика. – Так гораздо лучше. – Я осмотрела наше безрукое творение и сделала медленный панорамный снимок. – Вот что чувствовал доктор Франкенштейн. Ха.

– Не совсем то, на что ты надеялась?

– Не совсем. Я имею в виду, посмотри на него. У него нет рта. Он не знает, как выразить свои чувства. – Я подалась вперед. – Ты счастлив, Мистер Снеговик? Ты будешь обвинять нас в своем паршивом детстве? – Я показала на нашего снеговика и повернулась к Адаму. – Ну, я ничего не могу сделать, когда он в таком виде. Может, у тебя получится поговорить с ним?

Адам шагнул вперед и положил руку на плечо Мистера Снеговика, одновременно проделывая что-то другой рукой, чего я не могла видеть. – Вот, – сказал он, отступая в сторону. – Он простил нас и готов воспитывать собственных неполноценных детей.

У Мистера Снеговика под носом был вырезан полукруг. Он улыбался. И я тоже.

Мы расположились перед Мистером Снеговиком, убедившись, что он хорошо виден на заднем плане, и сделали снимок. Адам не позволил мне даже прикоснуться к телефону и целую минуту внимательно рассматривал фотографию, прежде чем решил, что все получилось.

– Доволен собой? – спросила я, когда мы отправились на детскую площадку в поисках аттракционов, не успевших покрыться льдом.

В ответ он лишь пожал плечами. *Ну и ладно.*

Качели оказались единственным доступным развлечением.

– А твои родители ладят друг с другом? – спросила я, работая ногами и снимая на камеру свои коленки, в то время как Адам лишь слегка покачивался.

– Уточни, что значит *ладят*.

– Они могут разговаривать друг с другом без адвокатов? Или находиться в одном помещении, не выкрикивая непристойностей? Пристают к тебе с просьбами шпионить для них?

– На прошлой неделе моя мама испекла папе его любимый пирог и передала с братом. Просто так.

– Вау. Это... даже не знаю, как это назвать.

Адам повернулся ко мне, обвивая рукой цепочку качелей. Я не могла удержаться и на несколько секунд подняла камеру, делая вид, будто хочу убрать ее в сумку, а на самом деле – чтобы запечатлеть его.

– Все так запутанно. Люди расстаются, когда больше не любят друг друга. Когда мой отец съезжал, мама помогала ему собрать вещи. Они в буквальном смысле делали это вместе.

– Ты наверняка догадываешься, почему они разбежались.

Адам опустил взгляд на свои руки. Похоже, я задала не тот вопрос. Может быть, произошло что-то ужасное, как если бы его родители узнали, что они родственники. Я подавила дрожь и сменила тему разговора, пока Адам окончательно не впал в ступор.

Мы покинули качели и нашего снеговика и побрели обратно. Снег повалил крупными хлопьями. Чем ближе мы подходили к дому, тем медленнее протекал наш разговор, пока не иссяк на парковке.

– Что ж, было весело, – сказала я.

– Да. – Адам держал руки в карманах и с таким интересом разглядывал здание, словно забыл о моем существовании.

Супер.

Я взглянула на наш этаж.

– А там будет совсем не весело.

Его губы едва шевелились, когда он ответил:

– Да.

Я бы могла сказать, что уже и сейчас не весело, но сомневалась, что он услышит. Наверное, наивно было думать, что ему захочется весь день развлекать меня, спасая от Шелли, поэтому вместо того, чтобы показать свое разочарование, я приняла бодрый тон и попятилась к двери.

– Ну что ж, думаю, еще увидимся.

– погоди, ты что, уходишь? – Он чуть не споткнулся, когда побежал за мной, не заметив выбоины в асфальте.

Я замедлила шаг.

– Ты получил фотографию, я провела съемку, и ты явно хочешь остаться наедине со своими мыслями, так что... – Я отступила назад.

Он слегка кивнул.

– Да, справедливо. Мне очень жаль, но я еще не знаю, как с этим быть. – Он бросил быстрый взгляд на окна квартиры своего отца и снова посмотрел на меня.

Я пожалала плечами и тихо сказала:

– Никто не знает, как с этим быть.

– Но мы все равно должны это терпеть.

На это я ничего не ответила.

Он целеустремленно направился ко мне, и мое сердце неожиданно забилось быстрее, когда мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Сегодня *действительно* было весело. И, честно говоря, даже не знаю, что бы я делал, если бы ты не пришла и не забрала меня с собой. Я пойму, если тебе нужно идти, но, может, ты не... – Приподнялась его рыжевато-коричневая бровь, и у меня участился пульс.

Мои губы дернулись, и он покраснел.

– Мне *не нужно* идти, во всяком случае, если ты можешь предложить что-нибудь получше.

– Уточни, что значит *получше*.

– Только не Шелли.

Адам усмехнулся.

– Заметано.

Адам

Наверное, я – худший в мире игрок в покер.

Отец и Джереми уехали в закускую, а мы с Джолин сидели на ковре в нашей гостиной с опустевшей миской из-под попкорна и растущей кучей соленых крендельков, конфет и всякой всячины, пригодной для ставок. Я поймал ее на слове, когда она попросила предложить что-нибудь получше, чем Шелли, и мы долго бродили по окрестностям, прежде чем вернулись в квартиру моего отца, как только они с Джереми уехали.

День получился на удивление веселый, хотя она практически обчистила меня час назад и уже присматривалась к моей футболке с лого «Филадельфия Флайерз»¹⁷. Когда я проиграл еще одну партию, она закатилась злодейским смехом, подгребая к себе весь выигрыш.

– Ты жульничаешь.

– Почему неудачники всегда так говорят? – Она подмигнула мне и принялась сдавать карты.

– Нет. – Я откинулся назад и положил голову на сиденье дивана. – С меня хватит. Мне больше нечего проигрывать.

Джолин тоже откинулась назад, опираясь на руки.

– Я бы так не сказала.

Когда она снова покосилась на мою футболку, я расхохотался.

– На мне она будет смотреться гораздо лучше.

– С этим не поспоришь. – На ней все хорошо смотрелось, даже пухлое пальто, которое она надевала на прогулку. – Но я все равно завязываю.

Она направила на меня видеокамеру. Я уже начинал привыкать к этому, учитывая, что она почти не выпускала из рук свою игрушку.

– Да ладно тебе. Я прямо-таки чувствую, что на этот раз проиграю.

Я рассмеялся.

– Ты еще и врушка. Нет, ни за что. Я не собираюсь в прямом и переносном смысле проигрывать в карты последнюю рубашку. Оставь мне хоть каплю достоинства, ладно?

– Достоинство переоценивают. К тому же... – Она нахмурилась и зарылась в куче своей добычи. – Кажется, я выиграла его в последней партии. – Я пихнул ее ногой в носке, и она в ответ, отложив камеру, швырнула в меня печеньем «Орео». Я потянулся и поймал его ртом.

Мы оба хохотали, обстреливая друг друга мелочевкой, когда вошли папа и Джереми. Мой смех тут же оборвался. Джолин же потребовалось с полминуты, чтобы прийти в себя. И еще больше, чтобы последовать моему примеру и встать. Она то и дело поглядывала на меня, словно не зная, как реагировать, как будто ее никогда не застукивали за тем, что она не должна делать, и ей не устраивали головомойку наподобие той, что ожидала меня.

¹⁷ Профессиональный хоккейный клуб из Филадельфии.

Папа бросил взгляд на наши карты и нехитрую снедь, а потом повернулся к холодильнику и сунул туда пакеты с едой навынос. Джереми стремительно шагнул ко мне.

– Ты – ничтожество, тебе это известно?

Мышца дернулась на моей щеке.

– Я не собираюсь ездить с ним обедать, чтобы облегчить ему чувство вины за то, что он ушел от мамы.

Джереми сделал еще один шаг ко мне, и Джолин пришлось отступить, чтобы он в нее не врезался. Она поскользнулась на разбросанных по полу картах и схватила меня за руку, чтобы не упасть. Я уже собирался отпихнуть Джереми, когда она восстановила равновесие и улыбнулась.

– Я в порядке. – Она посмотрела на моего брата. – Кстати, меня зовут Джолин. А ты, должно быть, Джереми. – Она представилась без малейшей неловкости, как будто не мой брат только что едва не сбил ее с ног. Он сглотнул, и на мгновение показалось, что ему стало стыдно. Затем его лицо снова посуровело.

– Я просто...

Джолин кивнула и уселась на пол, скрестив ноги, после чего собрала карты и начала их тасовать.

– Что скажешь, Джереми? Хочешь, тебе тоже сдам?

Мы оба с одинаковым изумлением уставились на нее.

– Полагаю, ты знаком с Техасским холдемом¹⁸. Кстати, сколько, по-твоему, стоят твои часы?

Джереми хмуро посмотрел на нее, потом повернулся ко мне.

– Уведи ее отсюда.

Я оттолкнул его одной рукой.

– Ты *так* разговариваешь с девушками, но *меня* называешь ничтожеством?

– Да, и могу это повторить. – Джереми подался вперед. – Ты ноешь, жалуешься на головную боль, чтобы снова пропустить ужин с нами, а потом приглашаешь к себе подружку?

Мое лицо вспыхнуло, и я сжал кулаки.

– Это его право, – подала голос Джолин, открывая три карты. – И ты напрасно кипятишься.

Джереми все еще пытался пригвоздить меня взглядом. Эффект получился не таким угрожающим, как ему хотелось бы, потому что я был выше ростом.

Как будто осознав, что ему нужно увести Джолин из квартиры, пока его сыновья не перегрызлись, папа вернулся в гостиную.

– Адам, – сказал он. – Ты собираешься меня представить?

С огромным усилием я перевел взгляд с Джереми на него. На мгновение моя ярость из-за поступка брата перекинулась на отца. Но, когда он посмотрел на Джолин, выражение его лица оказалось полной противоположностью тому, что продемонстрировал Джереми. Он даже улыбнулся ей. Я кивнул и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

– Это Джолин. Из соседней квартиры. Джолин, это мой папа.

– Джолин? Так ты приходишься Шелли...

– Я – никто Шелли, – перебила она его, на мгновение почувствовав себя неловко, как и должно быть в подобной ситуации. – Шелли просто «встречается» с моим отцом. – Она добавила воздушные кавычки. И тут же мой гнев начал рассеиваться.

¹⁸ Иногда просто холдем – самая популярная на сегодня разновидность покера, игра с двумя карманными и пятью общими картами, используемыми всеми игроками при составлении комбинаций.

– Ну что ж, Джолин, приятно познакомиться. Ты можешь приходить в любое время, когда мой сын бывает здесь, пока я тоже дома, но Адаму не разрешается приглашать девочек, когда он один.

Она выглядела так, словно хотела рассмеяться, но у нее хватило здравого смысла сначала встретиться со мной взглядом. Настроение у меня поднялось, но губы лишь дрогнули.

– О, вы это серьезно? – спросила Джолин.

Джереми указал на дверь.

– Ага, так что лови намек и проваливай.

Отец не колебался ни секунды. Он схватил Джереми за плечо и потащил его на кухню, откуда вскоре донесся резкий шепот.

– Я все равно уже уйду, – крикнула Джолин и похлопала меня по руке. Одним губами она произнесла «извини» и дернула уголок рта. Когда она наклонилась за камерой и туфлями, я тоже нагнулся.

– Ты не сделала ничего плохого, и тебе не нужно уходить.

– Да, – сказала она, поглядывая в сторону кухни, где отец распекал моего братца. – Но, думаю, мне пора. К тому же на сегодняшний вечер у меня запланировано пылкое свидание с Феррисом Бьюллером¹⁹.

Я сказал что-то насчет того, чтобы прогуляться завтра, и в этот момент, очевидно по настоянию отца, Джереми вернулся и принес самые скупые извинения.

Джолин попятилась к двери и открыла ее ровно настолько, чтобы протиснуться боком.

– Расслабься, Джереми. Именно понимание делает возможным для таких людей, как я, терпеть таких, как ты. Пока, Адам.

Я опустил голову, чтобы скрыть улыбку, и прошел в свою комнату, не взглянув ни на отца, ни на Джереми.

¹⁹ «Феррис Бьюллер берет выходной» – американский комедийный фильм режиссера и сценариста Джона Хьюза.

Между выходными

Адам:

Привет.

Джолин:

Привет. Это что-то новенькое.

Адам:

Чем занимаешься?

Джолин:

Пытаюсь сообразить, как общаться с тобой вне работы.

Адам:

Вне работы?

Джолин:

Да. Строго говоря, мы не на рабочем месте.

Адам:

Поэтому?

Джолин:

А вдруг ты в реальной жизни еще больший чудик?

Адам:

Это ответ на вопрос, злюка ли ты в реале.

Джолин:

Ты же не думаешь, что я злюка.

Адам:

Ты же не думаешь, что я чудик.

Джолин:

А если я могу думать так про тебя – значит, и ты можешь – про меня?

Адам:

Да.

Джолин:

Я загнана в угол.

Адам:

Ну и...

Джолин:

Почему ты мне пишешь?

Адам:

Просто захотел поболтать с тобой.

Джолин:

Адам, ты пытаешься сказать, что скучаешь по мне?

Адам:

Я бы не заходил так далеко.

Джолин:

Готова поспорить, ты сейчас краснеешь. Пришли мне фотку.

Адам:

Да зачем? Я нисколько не изменился.

Джолин:

Где фотка?

Адам:

Камера барахлит.

Джолин:

Обманщик.

Адам:

Ты дома?

Джолин:

Да, а ты?

Адам:

Выгляни в окно.

Джолин:

Ты не знаешь, где я живу.

Адам:

Что-то ты слишком долго отвечала. Значит, все-таки выглянула.

Джолин:

Только потому, что у тебя ярко выраженная тяга к преследованию.

Адам:

И это говорит девушка, прокравшаяся в мою спальню.

Джолин:

Говорит парень, который постоянно фотографирует меня для своей мамы.

Адам:
Сдаюсь.

Джолин:
Могу поспорить, что у тебя на потолке коллаж из моих фоток в форме сердца.

Адам:
На внутренней стороне дверцы моего шкафа.

Джолин:
Было бы круто, если бы ты жил по соседству.

Адам:
Да.

Джолин:
Или тебе не было бы так трогательно пятнадцать.

Адам:
Напомни-ка мне, сколько тебе лет?

Джолин:
Быть пятнадцатилетним трогательно только для парня.

Адам:
Это несправедливо.

Джолин:
Но верно.

Адам:
Это странно, но мне почему-то хочется, чтобы уже наступил следующий уик-энд.

Джолин:
Ты скучаешь по моим подколкам?

Адам:
Да.

Джолин:
Поистине странно.

Адам:
Может, ты не такая уж злюка.

Джолин:

Может, ты не такой уж чудик.

Джолин

Я пригнулась, увиливая от летевшего мне в лицо футбольного мяча, когда вышла из дома в субботу утром моего второго уик-энда «не у отца». Мяч все-таки ударил по моему плечу, к великой радости Черри и Гейба, которые обменялись приветственными хлопками ладоней, поджидая меня у минивэна. Блеск ослепительно белых зубов, какие могут себе позволить только дети двух дантистов, контрастировал с их темной кожей.

– Потрясающе. – Я даже не улыбнулась. – Шутка никогда не устареет.

– Тогда приходи вовремя! – хором воскликнули они и нахмурились, потому что терпеть не могли, когда невольно говорили в унисон.

Черри поймала отбитый мной мяч и швырнула его брату-близнецу, а потом переключилась снова на меня.

– Ты готова сражаться? – Она приставила ладонь к уху. – Готова побеждать? Ты готова заставить этих девчонок из «Элкинс Парк» пожалеть о том, что они вообще появились на свет?

– Да! – Я спрыгнула с последней ступеньки крыльца, и Черри встретила меня спонтанным ударом в грудь. Мы обменялись приветствиями «дай пять», и она обвила мою шею чуть ли не мертвой хваткой, подталкивая меня к переднему сиденью.

Я улыбалась. В полусогнутом положении, но улыбалась. Это побочный эффект общения с Черри, которым я особенно дорожила после развода моих родителей. Мы с Черри и раньше были друзьями, но скорее из тех, что здороваются, сталкиваясь где-то вне школы. Теперь же мы перешли на ту стадию дружбы, когда можно попросить оценить запах твоего дезодоранта, что Черри и сделала сейчас, учитывая близость моего носа к ее подмышке.

– Ты пахнешь как летний луг, слившийся в экстазе с ополаскивателем для рта, – сказала я.

– Да? – Она улыбнулась уголком губ, открывая пассажирскую дверь. – Класс.

– Эй, Тин Спирит²⁰, – крикнул Гейб с водительского сиденья. – Поехали уже!

– Еще раз спасибо, что согласился подвезти, – сказала я ему, запрыгивая на переднее сиденье.

Черри закатила глаза.

– Он такой лузер. Мне достаточно потрясти ключами от машины из любой точки дома, и он тут же примчится.

Гейб завел мотор с дикой ухмылкой, напомнившей мне, что водительские права он получил всего пару недель назад. Вскоре в машине загрохотала музыка, она отдавалась вибрациями в ногах и лишала меня возможности услышать, что говорила Черри. А она *говорила*: ее блестящие фиолетовые губы открывались и закрывались, как у рыбы, выброшенной на берег. Она наклонилась вперед и похлопала Гейба по плечу, показывая на стереосистему.

Он поддал громкости, так что, казалось, и кончики моих пальцев задержались в такт музыке. Черри закатила глаза и с удвоенной силой налегла на плечи брата, пока тот не убавил звук.

– Мы уже оглохли, Гейб, – недовольно фыркнула Черри, откидываясь на спинку кресла. – Ты, наверное, и колонки убил.

– Моя машина, мои правила.

– Минивэн мамин, а ты просто жалок, – огрызнулась Черри.

²⁰ Отсылка к песне группы Nirvana «Smells Like Teen Spirit» («Пахнет как подростковый дух», *англ. букв.*). – *Примеч. ред.*

Я попыталась сдержать смех, но Гейб заметил это и сам расхохотался.

– Завидуешь, сестренка? Ну да, – произнес он и запел: – Завидуешь минивэну, завидуешь минивэну.

– Ты трагически убог.

– Говорит шестнадцатилетняя чувиха без прав. Я угораю! – Он прикрыл рот одной рукой, а другую протянул мне, чтобы я хлопнула по ней в знак солидарности.

Я посмотрела на Черри и слегка хлопнула по руке Гейба.

– Что такого? Он добровольно везет нас на час раньше на наш футбольный матч. За это ему благодарность.

Недовольная моим ответом, Черри прищурилась и отвернулась, так что теперь я видела лишь сбоку ее короткие обесцвеченные волосы, уложенные шапочкой в стиле афро²¹.

– А ты не тупи, – сказал Гейб сестре. – Подтянись по учебе, и предки разрешат тебе получить права.

На первый взгляд это звучало жестоко, но только Черри и Гейб были суперумными. Я никогда не видела, чтобы Черри получала меньше пятерки с минусом за любой тест. Она просто не любила делать домашку. Мне не верилось, что водительские права могут быть недостаточной мотивацией для учебы, но факт остается фактом: почти год прошел с тех пор, как ее родители поставили такое условие, а она все никак не могла выровнять свои оценки. Я между тем планировала встретить свой шестнадцатый день рождения в автосалоне, даже если мне придется тащиться туда одной.

– Эй, слышь? – Гейб легонько шлепнул меня по руке. – Как тебе песня, которая играла, пока некоторые невежественные люди не заставили меня вырубить музыку? – Он прищурился, поглядывая на сестру в зеркало заднего вида.

– Ни в коем случае! – Я снова включила звук – хотя и не на ту громкость, от которой лопались барабанные перепонки, – и прислушалась к песне.

Теперь, вся внимание, я различила хриловатый голос Декстера и глубокий бэк-вокал Гейба. Настала моя очередь шлепнуть его по руке и ухмыльнуться. Вообще-то я не особо увлекалась альтернативным роком, но для группы «Ядовитый кальмар» делала исключение. Конечно, это субъективное отношение, поскольку я дружила со всеми ребятами из группы, но даже Черри признавала, что они – не отстой. Эту новую песню я слышала раньше в урезанном варианте, когда Грейди, ведущий гитарист, работал над мелодией, пока я снимала ролик для их первого музыкального клипа (мой первый опыт музыкального видео, и он оказался намного лучше, чем я ожидала). Но в той версии не было слов. И вот я слушаю песню о парне, который вынужден смотреть, как любимая девушка предпочитает ему кого-то другого. Перед глазами у меня вырисовывалась парочка крупным планом; потом камера медленно удалялась от них на протяжении всей песни, а заканчивалась история длинным кадром, показывавшим расстояние, которое девушка установила между ними. У меня перехватило горло.

– Эй, Джо, ты что, плачешь? Я хорош!

Я тихонько рассмеялась и сморгнула слезы.

– Да, хорошая. Я представляла себе видео, которое могла бы снять.

Гейб усмехнулся.

– Черт возьми, конечно. С первым роликом мы получили больше тридцати тысяч просмотров. А в этот раз, может, даже сумеем расплатиться с тобой не только купонами на бесплатные объятия.

– Пришли мне ее, – я кивнула на колонки, – и я начну работать.

– Круто, – сказал Гейб. – Спасибо.

²¹ Пышная, объемная прическа, модная в 1970-е годы у представителей афроамериканцев.

– Знаете, я пешком дошла бы быстрее, – вмешалась Черри, наклоняясь вперед и упираясь подбородком в спинку моего сиденья. – Просто говорю.

Гейб прибавил скорость и, подъехав к школе, так резко затормозил, что мы с Черри дернулись вперед, натягивая ремни безопасности, а потом нас отбросило назад.

Черри смачно шлепнула его, и он застонал гораздо громче, чем требовалось в ответ. Не я одна это заметила. Мы с Черри проследили за его взглядом, и тут мне пришлось сдерживать свой стон.

Нам навстречу шел Меник, бывший и нынешний бойфренд Черри, размахивая правой рукой, будто слушал только для него играющую музыку. Даже в приступах ненависти к нему Черри говорила, что у Меника сумасшедшая харизма. Он действительно обращал на себя внимание бархатной темной кожей, худощавым мускулистым телосложением и такими точеными скулами, что за него боролись несколько модельных агентств. К тому же он учился в выпускном классе и ездил на собственной машине задолго до того, как Гейб получил эксклюзив на минивэн.

Я не видела в нем ничего привлекательного помимо красивой внешности – ну, разве что он возил нас по разным местам. Меник не выглядел таким уж симпатичным, когда отчитывал Черри за то, что она не отвечала на его сообщения достаточно быстро, или обвинял ее во всех смертных грехах, когда она хотела тусить со своими друзьями, вместо того чтобы проводить с ним каждый вечер. Он не был жестоким, не изменял ей, ничего такого, но зато мастерски манипулировал ею, предъявлял на нее особые права и пытался контролировать каждый ее шаг. Он лишил ее выбора, свободы, поддержки. Убедил в том, что он – единственное, что у нее есть в этой жизни, и ему каким-то образом удалось внушить моей веселой и бесстрашной подруге, что она больше ничего и не хочет. По крайней мере, когда он рядом.

Их недавний разрыв оказался самым долгим, после того как Меник взорвался из-за того, что Черри навещала свою бабушку в больнице, вместо того чтобы пойти на его баскетбольный матч. Он прямо сказал ей, что бедро у бабушки останется таким же сломанным и после матча. Никакие уговоры и уверения в том, что она нужна ему как счастливый талисман, не сработали, и я получила счастливый, свободный от Меника месяц с Черри, надеясь, что это продлится вечно. Но одного взгляда на расплывшееся в улыбке лицо Черри мне хватило, чтобы понять, что они снова вместе.

Она выскочила из фургона и подбежала к Менику, запрыгнула на него, приклеилась к нему губами, и я *случайно* ударила локтем в клаксон, когда повернулась, чтобы схватить с заднего сиденья наши спортивные сумки. Будь я Меником, мне бы удалось продать эту историю. Поскольку я не доросла до его харизмы, меня одарили суровым взглядом и искусно изогнутой бровью.

– Береги себя, – сказал Меник, притягивая ее к себе для последнего поцелуя. – Все будет хорошо. – Он сказал «малышке», что позвонит ей позже, и устремился к своей машине, а я присоединилась к Черри. Выходит, она была обязана присутствовать на всех его играх, но для него такого правила не было.

– А как же обещание «Я больше не хочу тратить ни одной секунды своей жизни на этого придурка»? – спросила я скорее устало, чем сердито.

Черри взяла свою сумку и отвернулась к футбольному полю, избегая моего взгляда.

– Не грузи меня, ладно?

– Эй, – сказала я, подстраиваясь под ее шаг. – Я просто цитирую твои же слова. Послушай, он того не стоит. Ты согласилась с этим, и...

Ее глаза вспыхнули, когда она наконец встретилась со мной взглядом.

– Прекрати. – Она вздохнула, качая головой. – Вот почему я тебе ничего не сказала. Ты просто не понимаешь. Ты никогда не была влюблена.

Мои щеки вспыхнули. Да, я не была влюблена, но невольно стала ходячей и говорящей жертвой всей этой любви. Потому и не хотела иметь к ней никакого отношения. Любовь – романтическая ее разновидность – существовала только в фильмах Норы Эфрон²², а нам не суждено в них жить.

– Меник и я? Мы всегда будем возвращаться друг к другу. Либо ты понимаешь это... – она закинула сумку на плечо, – ...либо нет. – Она обошла меня и побежала через парковку к нашей команде.

Матч мы с Черри провели без обычного трепы и смеха. Подруги по команде заметили это и начали приставать с расспросами, но никто из нас не ответил.

Не стовариваясь, после матча мы разыграли шоу для ее родителей, делая вид, что ничего не случилось, но по дороге домой Черри включила музыку на полную громкость, как только Гейб завел двигатель.

Адам

– Эй, Адам. Есть минутка? – В понедельник днем Эрика Портер помахала мне рукой, приглашая к себе за столик в школьной столовой, что вызвало ворчливые комментарии моих друзей, Гидеона и Рори. Когда я направился к ней, Рори пробормотал:

– Счастливчик, сукин сын, – и я не смог сдержать улыбку. Внимание со стороны Эрики Портер ценилось не меньше, чем звание выпускника, произносящего прощальную речь.

Чем ближе я подходил к ее столику, тем сильнее колотилось сердце, и мне казалось, что она видит это сквозь мою рубашку. Эрика с ее медово-белокурыми волосами, карими глазами и безупречной загорелой кожей была не просто красива, а настолько ослепительна, что глазам становилось больно, когда они смотрели на нее. Это все равно что долго глядеть на солнце. Конечно, существовал шанс ослепнуть, но устоять перед ней было невозможно, и ты все равно рисковал.

– Ребята, вы ведь все знаете Адама? – Эрика оглядела свою свиту за длинным прямоугольным столом, и все закивали. Я действительно знал большинство из них. Чирлидеры; их бойфренды; младший брат Эрики, Питер; и две ее лучшие подруги.

– Привет, – сказал я.

– Что ж, – продолжила Эрика, как только я скользнул на скамейку, присаживаясь рядом с ней, – ты, наверное, знаешь, почему я позвала тебя.

На какое-то мгновение мне пришла в голову мысль, что она, как и Джолин, находит «очаровательным» мой неудержимый румянец, потому что чувствовал, что краснею, как помидор.

– Ты охотишься на мою порцию пудинга?

Эрика рассмеялась, и от этого смеха, прозвучавшего так близко от моего уха, у меня по коже побежали мурашки.

– Меня больше интересует партнерство в проекте «Беовульф» по британской литературе.

Я всегда думал, что умру от счастья, если она хоть раз в жизни посмотрит на меня так, словно я и только я мог сделать что-то для нее.

– О да, конечно.

А потом она обняла меня.

– Адам, ты – лучший. – Эрика отпустила меня, прежде чем я успел испугаться, что она почувствует обильное количество пота, которое вдруг взялось вырабатывать мое тело. – Ненавижу эти групповые проекты. Обычно все заканчивается тем, что я делаю всю работу, а лодыри

²² Американский кинорежиссер, продюсер, сценарист, новеллист, журналист, писатель и блогер, более всего известна своими романтическими комедиями.

получают ту же оценку. – Она наколола вилок клубнику. – Я больше не хочу проходить это снова, понимаешь?

Хоть я и сам терпеть не мог групповые задания, мой рот вымолвил бы согласие со всем, что бы она ни сказала.

– Да.

– Как бы то ни было, мы с тобой лучшие ученики в классе, и я подумала, что, если мы объединимся, мне больше не придется делать доклад и презентацию в одиночку. Я обещаю не отлынивать, а работать на равных.

Мы с Эрикой ходили в одну школу с пятого класса, и она всегда была одной из лучших учениц. Я не беспокоился за ее активность в проекте, меня пугало то, что мой мозг перестанет функционировать, если я буду сидеть рядом с ней слишком долго.

– Я бы с удовольствием поработал с тобой, но мистер Коньер всегда сам назначает партнеров. Не думаю, что он поставит нас вместе.

Эрика пожевала клубнику и подняла указательный палец.

– Я уже обо всем позаботилась. Он всегда составляет пары из сидящих рядом друг с другом, так что, если ты не возражаешь сесть рядом со мной... – Эрика улыбнулась, потому что даже она знала, что возразить невозможно.

– Ради хорошей оценки, думаю, смогу потерпеть.

Эрика улыбнулась.

– Вот и отлично.

После уроков мне пришлось дожидаться Джереми на парковке. У меня не было ключа, чтобы отпереть машину, поэтому я простоял на холоде целых десять минут. Как только мы сели в машину и он завел мотор, я включил обогреватель на полную мощность.

– Мерзнешь, как маленькая девочка, – усмехнулся Джереми. – Это потому, что ты такой тощий.

– Не всем повезло с природным утеплителем вроде твоей жировой прослойки.

– Кое-кто слишком дерзок. – Джереми натянуто улыбнулся, но я ожидал удара по тормозам или резкого поворота, когда он выезжал с парковки. Чего-то такого, что могло бы потряхнуть меня или заставить биться головой о стекло в ответ на оскорбление. Улыбка Джереми не предвещала ничего хорошего. – Это как-то связано с твоим свиданием за обедом?

Конечно, Джереми уже в курсе. Даже старшеклассники тащились от Эрики Портер.

Все парни из числа моих знакомых были наполовину влюблены в нее, а я так по уши – еще с тех пор, как в пятом классе она обскакала меня в диктанте по орфографии. Не то чтобы Джереми подтрунивал надо мной из-за того, что она умная, – я мог поспорить, что это больше связано с тем, как она выглядела в форме чирлидера. Это зрелище и меня не раз лишало дара речи.

Я попытался как можно скорее прекратить разговор.

– Я обедал с ней, потому что мы вместе работаем над заданием. – Я опустил ту часть, когда она на глазах у всех позвала меня к своему столику, а потом бросилась в мои объятия, получив от меня согласие стать ее партнером.

– Я слышал другое.

Я знал, что лучше не спрашивать, но ничего не мог с собой поделать.

– И что же ты слышал?

Ровно одну милю²³ пути Джереми изображал застенчивость.

– Ты же знаешь, что она сейчас одна.

Этот соблазнительный слух дошел до меня только сегодня утром.

²³ Около 1,6 км.

– И она, очевидно, рассталась со своим парнем, потому что ее интересует кто-то другой. – Джереми покачал головой. – Мой маленький братец и Эрика Портер. А я-то думал, у нее есть вкус.

Я ничего не ответил. Разговаривать с Джереми было непросто хоть о чем. А уж о девушках тем более. Мои нынешние отношения с Эрикой не выходили за рамки учебы, но, как я ни старался убедить в этом свое лицо, оно по привычке наливалось краской.

Возможно ли, что она ко мне равнодушна? Мы всегда общались по-дружески, но сегодня она впервые обняла меня, и объятия были достаточно долгими, чтобы слухи дошли до Джереми.

– Так что же Эрика думает о твоей подруге выходного дня?

Этот вопрос очень быстро вывел меня из задумчивости. В последнее время мама все чаще расспрашивала меня о Джолин, и, поскольку я позаботился о том, чтобы на наших следующих фотографиях выглядеть самим собой, с радостью разглядывала их и свободно комментировала каждую деталь, даже в присутствии Джереми.

– Эрика ничего не знает о Джолин, которая мне просто друг. Они обе – мои друзья.

– О да? Так ты не будешь возражать, если я покажу Эрике твою последнюю фотографию с этим «другом»?

Он говорил о той фотке, которую мы с Джолин сделали прямо перед нашим с Джереми отъездом домой в прошлые выходные. Пока Джереми прощался с папой наверху, мы гуляли вокруг дома и остановились под одним из заколоченных окон, когда Джолин заметила птичье гнездо, выглядывающее из разбитого верхнего угла.

Когда она пожаловалась, что не может увидеть, есть ли там яйца, я нагнулся и предложил ей сесть мне на плечи. Жест казался вполне безобидным, пока я не принял позу, а ее холодные пальцы не обхватили мой подбородок. Не думаю, что она догадывалась о том, что я едва не уронил ее, когда она издала тихий довольный звук и прижалась ладонями к моему лицу.

Яиц в гнезде не оказалось, но на шее Джолин болталась вездесущая камера, и она согласилась расстаться со своей драгоценной вещицей, позволив какому-то прохожему сфотографировать нас, а потом прислала снимок мне. На фотографии Джолин улыбалась, показывая на пустое птичье гнездо, а я с усмешкой смотрел на нее снизу вверх.

На сегодняшний день это была моя любимая фотография.

И определенно не та, которой следовало хвалиться перед другой девушкой, которая мне нравилась.

Джереми все пытался подколоть меня и разговорить об Эрике, но я отвечал скупой, пока он наконец не сдался. Странно, как легко мне удалось переключить мысли с Эрики на Джолин, почувствовав лишь укол сожаления.

Эрика – та, о ком я мечтал долгие годы, – пригласила меня к себе домой на следующей неделе, чтобы пораньше приступить к проекту.

Джолин – та, кто чаще всего дразнил меня и выводил из равновесия, охотно согласилась помочь мне осчастливить мою маму. В тот день за обедом с Эрикой я усиленно потел и нервничал, но с Джолин все складывалось иначе: чем больше времени мы проводили вместе, тем легче мне становилось.

Даже сидя в промерзшей машине Джереми, я ждал встречи с Джолин в следующий уик-энд у отца с большим нетерпением, чем встречи один на один с Эрикой. И это самое странное.

Третий уик-энд 23–25 октября

Адам

– Не двигайся! – Джолин вцепилась в мой подбородок и снова повернула его вперед. – Иначе будешь выглядеть как Ллойд Кристиас, и не по моей вине. – Она встала передо мной и еще несколько раз провела расческой по моим волосам, прежде чем подстричь кончики ножницами.

– Я понятия не имею, кто это.

– Ну ты даешь. Джим Керри в фильме «Тупой и еще тупее». Это первый фильм, снятый братьями Фаррелли по их же сценарию. Твоя жизнь пугающе скучна. – Она опустила ножницы и нахмурилась. – Вообще-то, я думаю, это их единственный фильм, который Питер снял сам.

Я отстранился, когда она снова нависла надо мной с ножницами.

– погоди, и это называется чуть-чуть? Я думал, ты просто собираешься подровнять концы. Ты сама так сказала, когда вернулась со своего футбольного матча.

Тогда она наступила мне на ноги, пригвоздив меня к стулу, хотя я уже хотел вскочить, чтобы посмотреться в зеркало. Она уперлась ладонями в мои колени, вероятно чтобы удержать меня на месте, а не с целью отдавить мне ступни.

– Ты такой нервный. Я же профи в этом деле. Будешь выглядеть круто, если перестанешь дергаться каждые две секунды. Ну-ка, сиди спокойно.

Я послушался. Она подошла ко мне сбоку и продолжила кромсать волосы. Я поморщился пару раз, но она зашипела на меня, сжимая губами расческу с мелкими зубьями.

– Между прочим, я смотрел «Тупой и еще тупее». Просто не запомнил имена персонажей.

– А почему? Фильм-то хороший – первый, я имею в виду, а не сиквел.

Холодный металл ножниц коснулся моего уха, и я оцепенел, ожидая худшего. Но прошедшее вместо боли ощущение заставило меня мертвой хваткой вцепиться в сиденье стула.

Джолин подула мне на шею.

И сделала это еще раз.

– Вуаля! – Она сняла с меня полотенце, победно взмахнув им, как матадор. – С тобой, мой друг, покончено.

Я вроде как и почувствовал себя трупом, когда провел рукой по шее и коже, все еще покалывающей от ее дыхания.

Она сунула мне в руки зеркало.

– Что скажешь?

– Неплохо, – сказал я, глянув в зеркало и пытаясь выровнять дыхание.

– Ты едва посмотрел. Вот, оцени. – Она встала позади меня и выставила зеркало перед нами. На этот раз она прижималась к моей спине, почти как в тот день, когда держала мой телефон и делала нашу первую фотографию. И все-таки не совсем так. Она руками прочесывала мои волосы, разметывая их туда-сюда, пытаясь укротить непослушные вихры. Она задавала мне какие-то вопросы, говорила, что я больше не похож на Чубакку из племени вуки²⁴. Наши глаза встретились в зеркале – ее, искрящиеся смехом, и мои, упивающиеся каждой черточкой ее лица. Ею всей.

²⁴ Персонаж киносаги «Звездные войны».

В первый раз инстинктивное желание поцеловать ее стало не более чем реакцией на близость красивой девушки. Сейчас близость тоже сыграла роль, но причина охватившего меня волнения крылась в том, что красивой девушкой была Джолин. Я бы позволил ей побрить меня наголо, если бы она захотела, лишь бы как можно дольше стояла так близко ко мне. Еще ближе.

Но она этого не захотела. Мы сфотографировались для моей мамы, а потом она отошла в сторону и плюхнулась на диван. Косы, уложенные кольцами, обвивали ее голову.

– Почему ты никогда не распускаешь волосы? – Интересно, что она сделает, если я ее поцелую? Посмеется надо мной? А как поступил бы я, если бы она попыталась меня поцеловать?

– И это говорит парень с волосами длиной два дюйма. Сколько времени у тебя занимает прическа? Скажем, когда ты хочешь выпендриться?

– Выпендриться? – Я невольно улыбнулся ее странному выбору слов.

– На то, чтобы высушить мои волосы, уходит не меньше часа. И это настоящее испытание – с фенами, сыворотками для укладки, щетками и... – Она фыркнула от отвращения. – У меня руки отваливаются от одной только мысли об этом.

– А почему бы тебе не отрезать их? – Я видел ее с распущенными волосами лишь однажды, в тот вечер, когда она сидела на моей кровати, такая красивая, что от одного только воспоминания у меня слегка закружилась голова.

– Потому что я тщеславна и не могу этого сделать.

Я посмеялся: она произнесла это так, словно призналась в преступлении.

– Это правда. – Она оторвала голову от спинки дивана и посмотрела на меня. – Ты не знал этого обо мне, но я бессовестно тщеславна. Еще в детстве мне говорили, что у меня красивые волосы, и я решила, что чем больше у меня будет волос, тем красивее я буду. Теперь это кажется смешным и нелепым. В смысле, когда я надеваю джинсы, мне приходится вытаскивать волосы из-за пояса. Я знаю, что надо бы их отрезать, но это уже как болезнь. Каждый раз, когда кто-то восторгается моими волосами, я отращаиваю их еще на дюйм. Скоро я буду на них наступать. – Она откинулась назад.

– Они такие красивые, твои волосы.

Она застонала.

– О нет, и ты туда же. Все кончится тем, что мне придется носить капюшон. И правда, надо бы их отрезать.

– Но ты этого не сделаешь.

– Не-а.

– А расплетишь их когда-нибудь для меня?

Она уселась поудобнее и скрестила ноги.

– Ты совсем не краснеешь. Как тебе это удастся?

Она заметила? В самом начале нашего знакомства я постоянно краснел рядом с ней. Ей достаточно было взглянуть на меня, и мое лицо тут же вспыхивало. Но с недавних пор все изменилось. Сначала я думал, это из-за того, что я стал проводить много времени с Эрикой – как будто произошло выгорание от общения сразу с двумя красивыми девушками или что-то в этом роде, – но Эрика никогда не вызывала во мне таких чувств, как Джолин, даже в тот первый вечер. Джолин все так же подкалывала меня, но я перестал смущаться. Более того, я чувствовал что-то другое. И это не вгоняло меня в краску.

Мне стало стыдно от того, что мы так сблизились с Эрикой.

– Может, ты потеряла хватку. – Я присоединился к ней на диване.

– Это плохо.

– Для тебя, может, и плохо. А меня это не очень-то радовало.

– Но ты утратишь свое очарование, если станешь как все.

Я бросил на нее быстрый взгляд.

– Ты все еще считаешь меня милым?

Она вздохнула.

– Да, пожалуй. Но ты ведь будешь краснеть иногда, правда? Для меня? Если я соберусь расплести волосы, тебе придется зарумяниться. Хотя бы ушки, а?

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, приподняв брови. Ее приоткрытые губы стали ярко-красными от леденца Atomic Fireball, который она сосала, пока стригла меня. Я мог бы наклониться и поцеловать ее. Я мог это сделать. Во рту у нее наверняка привкус корицы.

Даже если бы не раздался ее восторженный визг, я бы догадался, что лицо мое стало пунцовым.

Я не рискнул поцеловать ее.

Мы смотрели «Тупой и еще тупее» у нее в комнате, привалившись к спинке кровати, и она заснула, положив голову мне на плечо.

Джолин

Когда Шелли привезла меня к маме в воскресенье вечером, я немало удивилась, увидев на подъездной дорожке две машины. Миссис Чо не садилась за руль, да и мама разрешала ей приходить только днем, пока нас нет дома, так что один автомобиль явно не ее.

Мама распахнула дверь, лишь только я потянулась к ручке. Она выглядела... хорошо. Я хотела бы сказать, что как обычно, но... обычное состояние моей мамы слишком далеко от хорошего. Она была босиком, в джинсах и уютном белом свитере, слегка спадающем с плеча. Но больше всего меня поразили ее глаза, ясные и яркие. Трезвые.

Ее взгляд стал жестче, когда она заметила Шелли на подъездной дорожке, но вскоре она переключила внимание на меня и улыбнулась. Не маниакальной, тонкой или расчетливой улыбкой, а той, что излучает радость, простую и чистую.

У меня внутри все похолодело, и я почувствовала инстинктивное желание развернуться и побежать за машиной Шелли.

Прежде чем этот инстинкт ударил мне в ноги, мама мягко притянула меня в прихожую, обнимая за плечи. Она спросила, как прошел мой уик-энд, чем я занималась, смотрела ли хорошие фильмы. Ни слова о Шелли и никаких вопросов об отце.

Узлы медленно завязывались и стягивались у меня в животе.

Она вела себя как... раньше. Когда все было не так уж замечательно, но далеко от нынешнего ужаса, на фоне которого все казалось замечательным.

Мы завернули за угол и прошли в парадную гостиную, куда меня редко пускали, и я сразу поняла, в чем дело.

Мама жестом показала на мужчину, стоявшего у белого рояля, за который никто и никогда не садился.

– Джо, это мой друг Том. – Она положила руки мне на плечи и слегка сжала их. – Том, это моя дочь Джолин.

Том оказался довольно привлекательным парнем лет под пятьдесят – старше той крысы из спортзала, которую я ожидала увидеть. Стройный, без пивного живота, с нерастраченной шевелюрой, он смотрелся неплохо, если бы не слишком белые зубы и не искусственный загар, следы которого я заметила на его ладонях. Рубашка поло открывала короткие, жилистые руки тираннозавра Рекса, дико непропорциональные по отношению ко всему телу – похоже, он пропустил слишком много спортивных тренировок.

– Знаменитая Джолин. – Он устремился ко мне с протянутой для пожатия рукой, а я просто смотрела на него, пока мама не уперлась большими пальцами мне в плечи. Я пожала Тому руку, и он улыбнулся, сначала мне, потом маме. – Я знаю, ты говорила, что ей шестна-

дцать, но у меня в голове сложился образ маленькой девочки. – Он перевел взгляд на меня. – Извини, пятнадцать. Твой день рождения 26 января, верно? – Он подмигнул мне и добавил заговорщическим шепотом: – Я тоже Водолей.

Его попытка установить мгновенный контакт казалась настолько агрессивной, что мне захотелось отпрянуть. Все в этом парне кричало о нападении – от подавляющего мускусного одеколона до слишком громкого голоса, который эхом отражался от сводчатых потолков.

Мама отпустила меня и встала рядом с Томом.

– Я так рада, что вы познакомились. Мы с Томом много времени проводим вместе.

Том обнял ее одной рукой и притянул к себе.

– Я составляю компанию твоей маме, пока ты у отца, пытаюсь отвлечь ее от тоски по тебе. Хотя, честно говоря, мне не удастся преуспеть на этом фронте. Тебя невозможно заменить, Джолин Тимбер.

Мама и Том одинаково выжидающе уставились на меня, и узлы в животе, хотя и перестали сжиматься, беспокойно завертелись.

Все это казалось таким... фальшивым. Даже отрепетированным. Я посмотрела на маму, ее легкий, непринужденный прикид, и живот опять схватило, пока я не заставила себя расслабиться.

– Да, – пробормотала я. – Мне нужно распаковать вещи. – Я подняла свою крошечную дорожную сумку и направилась вверх по лестнице.

Мама, должно быть, претендовала в тот вечер на «Оскар», потому что отлепилась от Тома и сказала:

– О, тебе помочь, дорогая?

С точки зрения кинематографа сцена была поставлена не так уж плохо, гораздо лучше, чем вторжение инопланетян, которое мы недавно разыграли. Но я не настолько глупа. Все шло по заранее написанному сценарию, и кадры, сменяя друг друга, манипулировали аудиторией, создавая ощущение чего-то особенного. Скажем, я знала, что должна умилиться показной привязанностью моей бедной, одинокой матери к приветливому, хотя и немного банальному Тому. По идее, я должна быть обезоружена и, возможно, даже призадуматься.

Но я знала и то, что мои глаза не должны щипать от слез и в животе не должно бурлить. Я моргнула сухими глазами, прежде чем повернуться лицом к матери, к ним обоим.

– Спасибо, мам, но с меня довольно. Я собираюсь лечь спать пораньше. Это был длинный уик-энд, и вчерашняя игра меня вымотала.

Как и следовало ожидать, оба напряглись. Я отошла от сценария.

Мама сделала еще шаг в сторону от Тома.

– Но ты только что вернулась домой, я не видела тебя несколько дней.

Она могла бы прийти вчера на мой футбольный матч. Ей нравилось заявлять, что она не может смотреть, как мне делают больно, потому что, как вратарь, я должна бросаться вперед, вступая в схватку за мяч. Меня часто пинали, однажды я получила сотрясение мозга, и, разумеется, мне крепко доставалось, но мама не ходила на матчи совсем по другой причине.

Она держалась в стороне, потому что в моем футболе не находила ничего интересного для себя.

Другое дело – тот фарс, который она тут разыгрывала сейчас.

Том удержал ее, положив руку на плечо, и посмотрел на нее, прежде чем снова переключиться на меня.

– Конечно. Эти уик-энды, должно быть, даются тебе нелегко. Я хочу, чтобы ты знала: я понимаю, может быть, даже лучше, чем твоя мама, что это такое. Мои родители развелись, когда мне было примерно столько же, сколько тебе, и да, именно дети страдают больше всех. Как бы то ни было, основываясь на всем, что рассказала мне твоя мама, и теперь, когда я лично познакомился с тобой, думаю, что ты действительно хорошо справляешься.

Я постаралась не выказать презрения и, должно быть, кое-как справилась с этим, потому что он улыбнулся.

– Я надеюсь, что скоро мы сможем проводить какое-то время вместе. Твоя мама и правда особенная, и у меня такое чувство, что мы втроем станем хорошими друзьями.

На меня обрушилась еще одна волна одеколона, и я едва сдержалась, чтобы не сморщить нос. У меня даже мелькнула мысль, как мама вообще дышит, стоя так близко к нему. *Хорошие друзья*. Надо ж такое придумать! Я не могла понять, то ли он настолько глуп, то ли надеялся, что я настолько глупа, поэтому решила устроить ему проверку.

– Вау, Том. Это... довольно громкое заявление.

Он важно выпятил грудь, как будто я сделала ему комплимент.

– Ну, мы получаем то, что даем, и я из тех, кто дает. А как насчет тебя?

– О да, – сухо ответила я. – Давать – это самое оно. – И, когда я уже приготовилась списать его со счетов как идиота, он встретился со мной взглядом, и его тон утратил всякую дружелюбность.

– Я рад слышать это от тебя, Джолин, действительно рад, потому что, думаю, ты могла бы давать немного больше. – Он демонстративно притянул маму обратно к себе. – Ты устала, так что мы сегодня не будем углубляться, но полагаю, что с таким отношением и небольшим ноу-хау от меня, – он постучал себя по виску, – мы будем очень счастливы.

Последнее, что я увидела, перед тем как скрыться в своей комнате, – это мамин обожающий взгляд, устремленный на Тома.

Позже вечером, когда в животе наконец улеглось, я сидела на кровати, изучая заявку на обучение в киношколе. Я практически все помнила наизусть: киношкола находилась в Лос-Анджелесе и работала все лето. Если бы меня приняли, я бы на три месяца оказалась на другом конце страны, вдали от родителей, не говоря уже о том, что мне посчастливилось бы проводить время на крупных студийных площадках – и не только смотреть фильмы, но и принимать участие в их создании.

Мне так этого хотелось, что кожу покалывало от предвкушения.

К сожалению, список требований сводил на нет всякое покалывание. Мне предстояло написать эссе о том, почему я хочу стать кинорежиссером и какие истории собираюсь рассказать на экране, получить рекомендательное письмо от кого-либо, кто мог бы «оценить мои творческие способности в отношении кино и кинопроизводства», и представить на конкурс три короткометражных фильма. С фильмами как раз проблем не было: у меня был снят первый музыкальный клип для «Ядовитого кальмара», по второму клипу я уже начала раскадровку, а третий проект, пока без сценария, как раз снимала с Адамом. Вся загвоздка в том, что в моей школе не преподавали курс кинематографии, поэтому я не могла обратиться ни к кому из учителей с просьбой о рекомендательном письме, а эссе висело на мне тяжелым бременем. Я знала, как рассказать историю визуально – мысленно видела ее еще до того, как брала в руки камеру, – но общение образами сильно отличалось от общения словами.

Впрочем, письмо и эссе были не самыми страшными препятствиями.

Перспектива моего отъезда на три месяца повергла бы в ужас моих родителей. Нетрудно догадаться, как они будут вопить, рвать на себе волосы и угрожать самоубийством. Из-за чего бы они стали драться не на жизнь, а на смерть, если бы меня не было рядом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.